

Инна Лайон

БАНАНОВАЯ

РЕСПУБЛИКА

Инна Лайон

Банановая республика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70022872

SelfPub; 2023

Аннотация

Кулинария, товароведение, оборудование и эстетика (не путать с этикой) – основные предметы в Стахановском кулинарном училище. А еще куча обычных классов в школе рабочей молодежи. Но все, что интересует Игоря – это как стать звездой эстрады, где купить джинсы, ну и еще девчонки. Джинсовая мечта вдруг становится достигаемой, когда министерство просвещения УССР одобряет обмен студентами-поварами. Да не куда-нибудь, а в самую Чехословакию. И один из кандидатов для поездки – это студент первого курса училища Игорь Вищаненко.

Содержание

Глава первая. 61-я кулинарная bursa	4
Глава вторая. Три К: колхоз, картошка, комсорг	11
Глава третья. 12 градусов – температура хранения бананов	23
Глава четвертая. Три аккорда, три аккорда я тебе сыграю гордо	33
Глава пятая. Раз 16, два 16	48
Глава шестая. Новый год-82	56
Глава седьмая. Масло сливочное – 5 граммов	64
Глава восьмая. Пришло время любить. Две серии	75
Глава девятая. Джинсовая куртка – одна штука	81
Глава десятая. Разговор с мамой – 27 минут	88
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Инна Лайон

Банановая республика

Глава первая. 61- я кулинарная бурса

– Гоша, тільки подивіся, яки гарни котлети¹, – мама всплеснула руками и уже было потянулась, чтобы коснуться содержимого тарелки.

Игорь перехватил ее руку и зашипел ей в ухо:

– М-м-мама, вы что, н-не видите, что написано «П-просьба не трогать»? И потом, сколько раз я вас п-просил не называть меня Г-гошей при людях!

Волнуясь, Игорь всегда чуть заикался.

А котлеты и вправду были чудесные – небольшие, аккуратно заостренные с одного конца, в хлебной панировке, они лежали рядом с горкой выложенного волнами картофельного пюре и кучкой зеленого горошка. На длинном столе красовалась еще дюжина тарелок с разными блюдами. Тефтели в соусе, отбивная на косточке, котлета по-киевски с жареной картошкой, сырники со сметаной, самые разные пирожные. Каждый шедевр прятался под прозрачной пленкой и гордо

¹ Гоша, только посмотри, какие красивые котлеты (укр.)

демонстрировал картонную табличку со своим наименованием и фамилией своего создателя. И хотя все эти бутафорские вкусности не скрывали своего происхождения из бумаги, клея и пластика, но выглядели они красиво и даже аппетитно.

Стахановское, в прошлом – Кадиевское профессионально-техническое училище № 61, а в простонародье – бурса, знало толк в том, как завлечь будущих студентов на 1981-82 учебный год.

– Игорек, ну яка ж краса. Иди вчитися на кухаря².

Игорь оглянулся назад на другой длинный стол у входа, где сидела приемная комиссия и толпились подростки и родители.

– Во-вообще-то, мне музыка нравится больше, – пробубнил он негромко.

– Так що ж ти збираєшься робити з цією музикою? А тучки – завжди ситий і до дому принесеш для сім'ї. А грати на гітарі можна після роботи³.

Украинский язык, или українську мову Игорь понимал прекрасно. Все-таки восемь лет средней школы, где помимо обычной школьной программы преподавали украинский язык и литературу. Но говорить он на нем отказывался. Он собирался стать музыкантом, создать свою группу, ездить

² Игорек, ну какая же красота. Иди учиться на повара (укр.)

³ Ну и что ты будешь делать с этой музыкой? А тут и сам будешь сыт и домой принесешь для семьи. А на гитаре играть можешь и после работы (укр.)

по заграницам и купить себе настоящие джинсы Levi's. А для этой цели нужен был английский язык, а не какой-то там украинский, ну и, конечно же, хороший правильный русский, чтобы писать крутые тексты песен.

Музыкального училища для будущих рок-звезд в Стаханове не было. Да и маме нужно было помочь. Два года назад отец Игоря погиб при обвале шахты, и хотя их семья и получала пособие по утрате кормильца, но пока о карьере музыканта не было и речи.

– Як вам подобається наша виставка?⁴ – спросил звонкий девчоночий голос.

Игорь и мама оглянулись. Перед ними стояла невысокая плотная девочка-подросток в белой поварской курточке. Шапочка того же цвета кокетливо сидела на рыжих кудряшках. Приветливая улыбка. Курносый нос. Россыпь веснушек на лице. Руки в боки.

– К-класная бутафория. Т-ты делала? – спросил Игорь по-русски.

– Нет, не я, но у нас есть кружок по лепке из папье-маше, – сразу же перешла девчонка на русский. – У нас много чего есть.

– А яка стипендія? – влезла мама с вопросом.

– А это вы можете спросить у Зинаиды Ивановны, директора нашего училища. Во-он она, в зеленом платье, она как раз освободилась. – Девчонка показала в сторону стола при-

⁴ Как вам нравится наша выставка? (укр.)

емной комиссии.

Мама ринулась к дородной женщине с прической из высоких буclей и массивными янтарными бусами на полной шее. Зинаида Ивановна только что закончила разговаривать с родительницей и, воспользовавшись передышкой, пила воду из стакана.

– Между прочим, меня Вика зовут, – сказала девочка, проследив взглядом за мамой Игоря и убедившись, что женщины заговорили.

– Меня Игорьь.

– Маман затащила сюда?

Игорь кивнул.

– Да, были уже в горном техникуме и вагоностроительном училище. Мать хочет найти мне хорошую специальность.

– Понятно. А ты сам что хочешь?

Игорь чуть приподнял брови. Никто его особо не спрашивал, что он хочет. Исключение составлял мамин вопрос по утрам на предмет, какую кашу – манную или пшеничную – они будут с сестрой на завтрак. Но про свою мечту стать крутым и знаменитым музыкантом он не собирался рассказывать первой встречной девчонке.

– Что-нибудь достойное.

«Идиот, – подумал он, – ты бы еще добавил что-нибудь про строительство коммунизма».

И добавил уже чуть развязным голосом:

– Чтоб бабки не переводились.

Вика понимающе кивнула.

– Повар – хорошая работа. Через два года у тебя будет поварской разряд. Обычно дают третий, но если хорошо учишься, то и четвертый могут дать. Парням, конечно, легче найти место получше. Их вечно на мясо ставят. Девчонкам сложнее. А парни – тяжелые кастрюли потаскал, туши научился разделявать, вот тебе и опыт. А там уже – поезжай куда хочешь. В любой ресторан с радостью возьмут, – и добавила, чуть понизив голос: – Ну и домой не с пустыми руками уйдешь.

Как будто Игорь сам этого не знал. Соседка со второго этажа работала в заводской столовой, и у нее всегда водились майонез и растворимый кофе в банках, которые мама покупала у нее на праздники.

Вика вздохнула:

– Женщине-повару вообще не просто. Хорошо еще, если возьмут в холодный цех, на салаты. А то как поставят на горячие блюда, так всю жизнь у плиты и прстоишь. Можно, конечно, еще на повара-кондитера выучиться...

Но Игорь ее уже не слушал. Через два года ему будет 18. Армия ему не светила из-за близорукости. Возможность уехать в большой город с новой профессией уже завладела его мыслями. А маме можно будет денежные переводы отсылать.

– Два года, говоришь?

Вика оживленно закивала:

– Даже меньше – полтора. А потом полгода практика, и пишешь диплом. Мастачки всегда помогают.

– Кто?

– Мастачки. Ну, это мастер группы. Типа классного руководителя.

– А-а-а. Ну, а как тут вообще? Трудно учиться?

– Да нормально. Одни спецпредметы. Товароведение и кулинария – интересные. Оборудование – сложное, но парням дается легко. Физра только первую четверть. Еще есть эстетика. Там училка смешная.

– А ты уже на втором курсе?

– Не, буду на первом, только поступила.

– А откуда тогда ты все знаешь?

– Секрет. Знаю и все. Ну так что, поступаешь к нам?

Игорь еще немного сомневался. Но все-таки профессия повара выглядела гораздо престижнее, чем вагоностроителя. Да и продукты домой можно носить. После гибели отца мама бралась за любые сверхурочные, чтобы поднять двойняшек – Игоря и Иру. Но профессия повара казалась какой-то девчачьей. Парней в зале приемной комиссии не было ни одного.

Вика переминалась с ноги на ногу, ожидая ответа.

– Да не знаю я. Мне хотелось что-то интересное.

– Да у нас полно интересного. Конкурсы всякие. Разные кружки. В октябре – посвящение в поварята. Наша бурса лучшая. А летом еще и практика. Три месяца жизни без родителей. Если повезет с мастачкой, то она выбьет для группы

летнюю практику в каком-нибудь санатории на море. Даже, может, за границу.

Сердце Игоря екнуло. Ко всем этим благам еще и джинсы в придачу?

– Шутишь?

– Ну, программа обмена поварами-студентами с соцстранами еще на рассмотрении у месткома. Но как знать? А вдруг в этом году одобряют и выпустят?

Вику перебил возбужденный голос мамы Игоря:

– Го... Игореша, у них стипендия 20 рублей в месяц. А повышенная даже 25, – сказала она на русском, позабыв про украинский.

– Ну если целых 20... – улыбнулся Игорь и вытащил из кармана свидетельство об окончании восьми классов и комсомольский билет.

Вика просияла:

– Обещаю, тебе здесь понравится. – И потащила Игоря за рукав к столу приемной комиссии.

Глава вторая. Три К: колхоз, картошка, комсорг

Когда Вика рассказывала Игорю, как много интересного происходит в их бурсе, то, нарочно или нечаянно, она забыла упомянуть обязательный в сентябре выезд студентов в колхоз на картошку. Как это вписывалось в программу обучения всех учебных заведений, никто не знал. Но все училища, техникумы и даже институты страны отсылали своих студентов в местные колхозы собирать корнеплоды на бескрайних полях Украины и всего СССР.

Также Вика забыла рассказать, что помимо бурсы Игорю нужно будет ходить в вечернюю школу. Общеобразовательные предметы никто не отменял, и партия и комсомол строго заботились о том, чтобы все дети получили полноценное среднее образование. Вечерняя школа находилась в двух кварталах от бурсы, и туда надо ехать две остановки на трамвае. А если жалко трех копеек на билет, то эти два квартала можно пройти и пешком.

Обо всех этих интересных сюрпризах Игорь узнал на общем собрании 1 сентября.

Списки первокурсников висели на стене в том же самом фойе бурсы, где Вика сагитировала Игоря на поступление.

Свою фамилию Игорь нашел в списках 812-й группы.

Цифра 81 обозначала год поступления, а двойка – номер группы. Всего висело три списка, и Игорь быстро пробежал их глазами, ища имя Виктории. Девочек с таким именем было около 20 на три группы. Ее фамилии он не знал.

– Ого, а кто это тут у нас такой стилиста?

Игорь обернулся и увидел двух парней: высокого, под стать Игорю, коренастого шатена с квадратными плечами и мускулами, выпирающими из-под белой майки. Другой, полноватый кучерявый брюнет в спортивной куртке-олимпийке, едва доставал Игорю до плеча.

Брюнет протянул руку:

– Я – Веня Шехтер, а это Серега Терехов.

– Игорь Вищаненко. Шехтер это что? Шахтер, что ли?

– Нет. Это означает «мясник» на иврите. Вот и пошел по специальности. – Веня улыбнулся вроде приветливо, но Игорь поежился.

– А вы оба в какой группе? – спросил он.

– Мы, как и ты – во второй, – ответил за двоих Веня. – А мы-то думаем: где же наш третий братан? На весь первый курс всего восемь пацанов. Девчат красивых – полно. Оторвемся в колхозе.

– В каком еще колхозе?

– А ты не в курсе? Сейчас мы тебя просветим. Пошли на улицу. Там все группы собирают на линейку и с мастачкой познакомиться.

Веня еще что-то болтал про девчонок, будущее расписа-

ние и что он любит есть на завтрак. Серега молчал и шел следом за Веней, словно его персональный телохранитель.

Стильный вид Игоря обошелся ему дорогой ценой. Летом мама через десятые руки достала по блату мужской пиджак в мелкий рубчик. И хотя он был обалденного цвета морской волны, но фасон и размер оставляли желать лучшего. Или вообще ничего не желать. Вельвет в тот год был жутко модный, но Игорь не собирался носить такое безобразие – квадратное одоробло с огромными накладными плечами на два размера больше. Одно расстройство, если бы не Ирка.

Если мама чуть ли не за ручку водила Игоря по центру города, ища ответ на вечный вопрос «Куда пойти учиться?», то у Ирки с выбором профессии проблем не было. Швейное училище было ее мечтой с первого класса. Начинала Ирка с нарядов на пластмассовых пупсов, потом перешла на кошку, и наконец пошила себе летний сарафан из кухонной шторы в крупную синюю сливу.

Ирка оглядела пиджак и сказала:

– Из этого говна можно сделать крутую вещь. Но это тебе будет стоить.

Чего именно, Игорь уже и так догадался. Поскольку мама работала на складе машиностроительного завода все пять дней и иногда захватывала выходные во время отчетной недели, то все домашние обязанности лежали на Игоре и Ирке. Выносить мусор и пылесосить досталось единственному мужчине в семье, а будущей швее-мотористке – мыть посуду

и готовить ужин. В магазин за продуктами ходили по очереди.

– Возьмешь мою домашнюю работу на себя, а я тебе обеспечу прикид для бурсы, – заверила Игоря сестра.

– Не много ли за один пиджак? – попытался торговаться Игорь. – Весь месяц посуду за тебя мыть?

– Ну почему же только посуду? Готовить ужин тоже. Ты же у нас будущий повар. Вот давай, набирайся опыта. Не беспокойся, на гитару тебе тоже останется время. Три аккорда, три аккорда я тебе сыграю гордо. Будущая звезда эстрады ты наша.

Ирка хохотнула. Она родилась на две минуты раньше и, считая себя старшей, всегда командовала.

– Да и потом можно перешить на тебя отцовский гардероб – брюки там, рубашки. Не собираешься же ты ходить в бурсу в школьной форме?

Тут она была права. Игорь вздохнул и согласился.

Весь август Игорь экспериментировал с приготовлением пищи. Лучше всего у него получались супы. Ходил на рынок за свежими овощами и торговался с продавцами за каждый пучок укропа. Брал в мясном кости на бульон по 17 копеек за кило. Делал зажарку из лука и моркови. Резал картошку кубиками. И добавлял какую-нибудь крупу. Вот тебе и суп.

На гитару тоже хватало времени. Учил новые песни и подбирал к ним аккорды. Слушал пластинки «Аббы» и «Бони М», и потом со словарем пытался перевести английские тек-

сты. Но получалось плохо.

К концу лета супы так достали, что он придумал куплет: «Картошка, моркошка, рассольник и окрошка, лаврушки немножко, все варит Игорешка» и перешел на покупку полусъедобных котлет из кулинарии на углу для ужина.

И вот теперь крутой Игорешка в стильном приталенном пиджаке цвета морской волны с воротником и карманами, отделанными черным дерматином, стоял среди будущих поваров на первом собрании группы. Черные зауженные брюки и белая водолазка дополняли его щегольский вид. Правда, ботинки были еще школьные. Конечно, с этим новым прикидом светло-голубые джинсы Levi's смотрелись бы шикарно. Но пока о них можно было только мечтать. За лето его русые волосы отросли, и Ирка помогла ему покраситься в платинового блондина и подстригла под сессон. Или, как она поддразнивала его – под «мужскую версию Мирей Матье». В общем, что и говорить – красавец да и только, если бы не толстые линзы очков с диоптриями -8 и дурацкая детская оправка. Ну ничего, станет музыкантом и поставит себе линзы в глаза. Он слышал про такое.

– Меня зовут Людмила Леонидовна, – представилась мастачка, женщина лет 35 с короткой стрижкой и в цветастом платье.

Она обвела глазами свою группу – двадцать пять девочек из разных поселков и деревень Украины и три городских парня.

– Все ваши красивые наряды убрать в шифоньер до октября, когда начнутся занятия. А завтра всем явиться в чем попроще. Наша группа едет на сбор картофеля в колхоз «Заветы Ильича» на весь сентябрь. Явка в шесть утра.

Так и вышло. На следующее утро группа сонных подростков в растянутых трениках и старых свитерах во главе с ЛЛ, как сразу ее окрестили парни, загрузилась в автобус. Дерматиновые чемоданы, хозяйственные сумки и даже одна продовольственная сетка с одеялом и ночным горшком грудилась в проходе, закидывались на верхние полки и запихивались под сиденья. Сначала все сонно кивали и позевывали, но через час проснулись и начали знакомиться и болтать.

Игорь, Серега и Венечка, как он сам себя называл, расположились на заднем широком сиденье автобуса, развалившись по-барски. К концу пути к ним присоединилось несколько наиболее смелых девочек, и пошли разговоры и вопросы. Игорь взял с собой гитару, замотав ее в байковое одеяло для сохранности. Футляра у него не было.

– А сыграй чего-нибудь, – попросила Лена Завгородняя, темноволосая девушка с короткой стрижкой, разглядев торчащий гриф.

– Не могу сейчас. Трясет, – лаконично отвертелся Игорь, переживая, что будет бляеть как козел в унисон прыгающему автобусу. Да и сесть нормально не получится. Певцу нужен был простор в движениях и внимание публики.

И то и другое он скоро получил.

Группу 812 поселили в старую школу, готовящуюся под снос, но еще пригодную для ночевки присланных на сбор урожая студентов. Одна огромная классная комната с рядами железных кроватей, застеленных колючими серыми одеялами, была отдана девочкам и мастачке. Во второй комнате поменьше – бывшей учительской, что ли – поместились три кровати для парней. Все удобства и столовая располагались на улице.

Кто не проводил лето в деревне у бабушки, тот никогда не узнает священного ужаса перед утренним умыванием ледяной водой из подвешного чугунного умывальника с носиком, брезгливости к засиженной мухами деревянной уборной и благостного тепла от стакана горячего чая во время завтрака на улице прохладным утром. Игорь познал все это в первый раз в колхозе, так как бабушки в деревне у них не было.

– Доедайте скорее. Пора на поле. Два человека остаются на кухне помочь мыть посуду и чистить картошку, – объявила ЛЛ.

Лес рук взметнулся над столами.

– Завгородняя и Шехтер. Все остальные взяли куртки и пошли со мной.

Уборка картошки заключалась в следующем. Молодой деревенский парень в телогрейке сначала подмигивал группе зябко ежившихся девочек и в упор игнорировал парней. Потом взбирался на трактор с прицепной бороной и колесил

по полю. Картошка, местами порезанная, вылезала из земли. Девочкам давали холщовые мешки, куда они собирали белые клубни. А парни подхватывали эти наполовину полные мешки, тащили их к грузовику, стоявшему у края на дороге, вываливали картошку в кузов и приносили пустые мешки назад девочкам.

На обед всегда подавали кучу хлеба, нарезанного неровными ломтями, жидкий суп (дома Игорь готовил и получше), на второе слипшиеся макароны с котлетой, и на третье – компот. Игорю так ни разу и не довелось дежурить на кухне.

По вечерам после ужина из каши-размазни и жесткого мясного гуляша с подливкой, набрав хлеба на вечер, в комнату парней набивались девчонки, и до самого отбоя Игорь распевал песни из репертуара «Машины времени», «Воскресенья» и Антонова.

– А можешь че-нить иностранное? – попросила как-то раз Лена Завгородняя.

– Н-на английском я не очень, – признался Игорь. Он, конечно, мог немножко и на английском, но стеснялся своего акцента и потому пел, только когда Ирки и мамы не было дома. – Разве что «Распутин» из репертуара «Бони М».

– О, давай, – хором попросили девчонки.

– Ра-Ра-Распутин, рашас грэйтест лав машин, – запел Игорь.

Второй припев уже подпевали все девчонки и Веня с Серегой.

– А «Мурку» знаешь?

– «На Дерибасовской открылася пивная» можешь?

– А че-нить бластное?

Игорь запел их дворовую песню, по аккордам которой его учили играть на гитаре пацаны на районе:

– Хорошо быть кисою,

хорошо собакою,

Где хочу пописаю,

где хочу покакаю.

Благодарная аудитория заржала.

Однообразная работа по сбору картошки иногда разбавлялась сбором свеклы на соседнем поле или яблок из колхозного сада через дорогу. Как назло, весь сентябрь выдался солнечным, без осадков. В плохую погоду полагался выходной, но группа отпахала на полях ровно 30 дней.

В вечер перед отъездом мастачка собрала всю группу вместе в девчоночьей спальне и раздала всем первую стипендию. Двадцать рублей каждому. Будущие повара зашумели. Гордый Игорь разглядывал свой первый заработанный червонец и две пятерки, и налюбовавшись, бережно положил их в карман. Кошельком он еще не обзавелся. Девчонки запиховали деньги в бюстгальтер.

ЛЛ откашлялась.

– Ребята, нам нужно выбрать старосту и комсорга на весь

учебный год. Вы все комсомольцы. А наше училище ведет активную общественную жизнь. Так что нам нужно выбрать ответственного за дела группы человека и комсомольского вожака. Есть кандидатуры?

Все молчали. Никто не хотел высовываться.

– Тогда я предлагаю на роль старосты Лену Завгороднюю, а комсоргом Игоря Вищаненко. Оба они достойно трудились и имеют среди вас авторитет, – сказала ЛЛ, оглядывая лица студентов.

Девчонки загалдели:

– Да, Лена и Игорь!

– Игорь, он классный!

–. Точно, Завгороднюю и Вищаненко!

Лена покраснела и согласно кивнула.

Игорь же представил себя головняк по поводу выбивания из каждого студента мизерных комсомольских взносов, нудные собрания после уроков с комсоргом училища, отчетность о политической работе группы и замотал головой.

– Нет, нет, у меня это, вечерняя школа, уроки музыки и... больная сестра, за которой нужен уход.

Он представил себе гневное лицо Ирки, которую он так шустро записал в инвалиды, но отступить было поздно.

– Я могу быть комсоргом, – раздался голос Венечки.

Все оглянулись.

– Сестры у меня нет. И уроков музыки тоже. А вечерняя школа... Это долг каждого советского гражданина – полу-

читать среднее образование, так что я спокойно могу совмещать учебу и общественную работу.

Венечка расплылся в улыбке. Серега Терехов поднял руку и пробасил:

– Предлагаю кандидатуру Вениамина Шехтера на роль комсорга группы 812.

Игорь облегченно вздохнул и одним из первых поднял руку, голосуя «за».

После собрания несколько девчонок ввалились в комнату парней поздравить Веню с должностью. Другая причина позднего визита заключалась в том, что группа из пяти девочек и трех парней заранее договорилась пойти во фруктовый сад через дорогу и под покровом ночи набрать себе домой яблок.

– Я не пойду с вами, – вдруг сказал Веня. – У нас дома этих яблок завались. Яблоня растет у дома.

– А у меня живот болит, – добавил Серега. – Весь вечер бегаю в уборную.

Игорь слегка расстроился – ведь собирались же вместе, даже накануне приготовили свитера, завязанные у горла, вместо сеток и кошелок. Но девчонки заканючили, что боятся идти одни по темноте, и Игорь отправился с ними. Собрать яблоки ночью еще то занятие, но Игорь еще днем приметил пару деревьев, где оставались спелые плоды. Да и падалица сгодится. Если вырезать червивый бочок, то на варенье пойдет.

По дороге назад в Стаханов непомерно раздутый чемодан Игоря уже не влезал на верхнюю полку. Девчонки предоставили в распоряжение Игоря целое сиденье, чтобы он мог играть на гитаре, а они – петь. Песню про Распутина и кошек с собачками Игорь играть не стал. Но остальной свой репертуар играл охотно и по нескольку раз.

– Мы охотники за удачей, птицей цвета ультрамарин! – горланил весь автобус.

Заднее сиденье автобуса заняли мешки с картошкой и яблоками, которые ЛЛ везла себе домой. Игорь не сомневался, что это был «подарок» от руководства колхоза за усердный бесплатный труд дружного коллектива группы 812.

Глава третья. 12 градусов – температура хранения бананов

После колхоза мастачка дала 812-й группе отдохнуть целых четыре дня, приказав явиться в училище в понедельник, пятого октября.

Игорь подолгу сидел в горячей ванной, вспоминая жалкое подобие мытья после работы на поле в тазике с еле теплой водой, нагретой кипятильником. После гибели отца семья Вищаненко получила двухкомнатную квартиру на проспекте Ленина, в доме № 10 на третьем этаже. Квартира в пятиэтажном доме старой планировки с крошечными прихожей и кухней, разохшимися оконными рамами и домашним телефоном была бы мечтой многих стахановцев. Но Игорь не задумываясь променял бы все эти блага на живого отца и частный домишко с печным отоплением, где они жили до взрыва.

– Че, тока яблоки привез? Больше ничего, что ли, не было? – спрашивала Ирка, приканчивая очередное красное яблоко.

– Больше ничего не было, – огрызнулся Игорь. – А ты? Много чему научилась за месяц?

– А че мне там учить? Я и так все умею. Я вот клиентку заимела.

Игорь удивленно поднял брови.

– Да, да, – радостно закивала мама. – Тетя Клава со второго этажа, ну, та, что в столовой работает. Ее же теперь заведующей смены поставили. Ирочка ей пошила новый белый халат. И блузочку заканчивает. Это полезное знакомство. Может, и тебя туда устроим, как разряд получишь.

Игорь неопределенно пожал плечами.

– Ужинать идите! – крикнула Ирка из кухни.

– Че у тебя там? – спросил вечно голодный после скудного питания в колхозной столовке Игорь.

– Суп с галушками. На второе – картофельные зразы из кулинарии со сметаной.

Три большущие толстые галушки из теста лежали в тарелке Игоря. Ирка полила их растопленным сливочным маслом, посыпала чесноком и рубленым укропом, и только потом залила горячим бульоном.

Игорь закрыл глаза и вдохнул аромат супа. Какое счастье быть дома и ужинать в тепле за нормальным столом, а не на улице, заглатывая свою порцию, пока она не покрылась пленкой холодного жира.

– Ирочка, так вкусно пахнет. Тебе тоже надо было поступать в кулинарное, – похвалила мама, усаживаясь на свое место у окна.

Ирка засмеялась.

– Не, не мое. Вон рецепт супа за субботу, – она мотнула головой на стену, где висел отрывной календарь. – Умеешь

читать, умеешь и готовить.

Игорю предстояло убедиться в правоте этой фразы довольно скоро.

* * *

Из заработанных Игорем денег мама оставила ему пять рублей на дорогу и «что-нибудь покушать». А пятнадцать рублей мама отложила в шкатулку, где хранила документы, обручальное кольцо и счета за квартиру. Вдвоем с Игорем они решили откладывать для него на новую приличную обувь. А может, и футляр для гитары.

– Игорек, это тебе, – мама протянула Игорю квадрат коричневого дерматина и синюю продолговатую коробочку.

После поступления Игоря в училище мама перестала называть его Гошей и разрешила Ирке перешить отцовские вещи, и вот сегодня она отдала Игорю отцовское портмоне и наручные часы «Чайка».

Часы были его давней мечтой. Когда Игорь был маленьким, то отец разрешал ему заводить часы, подкручивая ребристое колесико справа большого металлического корпуса. На синем циферблате под толстым стеклом помещались горизонтальные деления вместо цифр. Но самое классное – это подсветка. Если нажать сбоку кнопку, то экран часов подсвечивался мягким синеватым светом. Отец не носил часы на работу в шахту, а только «на выход», как он говорил. Поэто-

му они так и остались дома в коробке, когда отца погребло под завалами угля, которые так и не смогли раскопать. Игорь бережно взял часы из коробки и надел на руку. На кожаном ремешке не было дырочки для тонкого запястья Игоря, и часы свободно болтались на руке как браслет.

В портмоне так и осталось фото всей семьи в парке аттракционов, когда двойняшкам было по пять лет. Папа обнимал маму. А Игорь с Ирккой корчили рожи. Игорь добавил туда свою пятерку и талоны на трамвай, что дала мама. От дома до училища ходил трамвай номер два. Пять остановок, и ты в центре, прямо у бурсы.

Понедельник, пятое октября, выдался на редкость солнечным и теплым. Под стать настроению Игоря. Он надел свой стильный прикид и отцовские часы, в ремешке которых он сделал гвоздем дополнительную дырочку. Целлофановый пакет с картинкой спелых вишен одолжила Ирка на первый день занятий.

– Сам себе потом что-нибудь купишь. Мне этот из Киева привезли. Аккуратно с ним, и чтоб отдал после бурсы.

В пакете лежала новая общая тетрадь и синяя шариковая ручка. С чем крутые пацаны ходят в бурсу? Не со школьным же портфелем?

Двухэтажное здание училища сегодня напоминало муравейник. Женское население заполнило аудитории и коридоры училища. Повсюду сновали девочки – высокие и низенькие, худые и полненькие, рыжие и темноволосые, красавицы

и простушки. Русская и украинская речь перемешивались с возгласами девочек, не видевшихся целых четыре дня.

– Ганю, подивися, яка у мене нова кофта⁵.

– Любочка, я шукала цей кабінет, та и не знайшла⁶.

– Девочки, а вы не видели нашу мастачку? Мне надо сдать ей справку с места жительства.

По этажам бегали девчонки, ища расписание, номер кабинета, своих знакомых и мастачек. Игорь тоже побродил по первому этажу, не зная, куда идти. Ведь ЛЛ же говорила. Прослушал, что ли?

На первом этаже, слева от фойе, находился спортивный зал. Справа были раздевалка, кабинет оборудования (догадался по ряду котлов и электрических мясорубок) и огромная комната со сценой. Ага, актовый зал. А вот и лестница на второй этаж.

Значит, все кабинеты для занятий выше. Он пошел на второй этаж.

– Игорь! – звонкий знакомый голос окликнул его на лестнице.

– Вика, – обрадовался Игорь. – Где ты была? Я тебя искал 1-го сентября.

– Правда, искал? – курносое лицо расплылось в улыбке.

– В какой ты группе?

– Я в первой.

⁵ Ганя, посмотри, какая у меня новая кофта (укр.)

⁶ Любочка, я искала этот кабинет и не нашла (укр.)

– А я во второй.

– Я знаю.

«Наверное, списки групп читала», – подумал Игорь и спросил:

– В какой колхоз ваша группа ездила?

– «Путь к коммунизму».

– Ну и как там было? Что собирали? Как кормили?

– Не знаю. Я не ездила. У меня освобождение по здоровью.

Игорь оглядел ее с головы до ног. Нормальная здоровая девочка. Чуть полненькая, курносая, даже симпатичная, когда улыбается. Черная юбка и шелковая блузка в цветочек.

– Плоскостопие у меня. Видишь, ботинки специальные ношу, – Вика показала на свои очень даже стильные ботинки на толстой подошве и со шнуровкой. – Поэтому и не ездила. Ты бы тоже мог закосить по зрению.

– Чего? – не понял Игорь.

– Ну принес бы справку от врача, что плохо видишь, и никуда бы не поехал. Сидел бы весь месяц дома и получил стипендию.

Нет уж, спасибо. Дома Игорь сидел весь август. Да он и не жалел, что поехал в колхоз. Да, бывало и холодно, и тяжело, и по вечерам ходили в столовку записаться хлебом, но скучно не было. Познакомился со всеми парнями и девочками, и даже запомнил почти всех по именам. Вик в группе было четыре. А так бы пришел сейчас на первый день заня-

тий как чужак.

– А ты почему не пошел в комсорги? – вдруг ни с того ни с сего спросила Вика.

– А что, надо было? – ошетинился Игорь. Он верил, что сделал правильный выбор. Только бы Ирка не узнала, что она теперь «сестра-инвалид».

– Поближе к кухне, поближе к начальству, – ответила Вика, переврав известную пословицу на свой лад. – Я вот староста первой группы. На первой парте буду сидеть. Учителя уважают и хорошие оценочки ставят. Еще я групповой журнал с собой ношу. Кому захочу, тому прогул поставлю. Пусть потом докажут.

Вика хихикнула, а Игоря кольнуло что-то неприятное. Но сейчас его занимало другое.

– А откуда ты узнала, что я отказался быть комсоргом? Ты же не в нашей группе?

– Секрет. Знаю и все, – ответила Вика уже знакомой фразой. – Ладно, мне пора. Если что, я пишу конспекты очень хорошо. И почерк у меня красивый. Могу дать списать. До свиданья. – Вика коснулась рукава пиджака. – Может, сыграешь на гитаре и для меня как-нибудь. – Она повернулась и поспешила вверх по лестнице.

Откуда она все знает? Но снизу по лестнице поднимались Серега и Венечка, и Игорь сразу же забыл про Вику. В руках у Вени был черный портфель-дипломат. «Ух ты, – подумал Игорь, – где он его взял?»

Игорь повернулся к одноклассникам.

– Привет, братаны. Какой у нас первый урок? В каком кабинете?

– А что за девочка? – спросил улыбающийся Веня, не отвечая на вопрос Игоря.

– Знакомая, – смутился Игорь. – Вместе поступали.

– Ага, – Веня, все еще улыбаясь, пристально посмотрел на Игоря. – Товароведение первое. Кабинет номер десять. – И парни пошли наверх искать кабинет.

* * *

Вот тут Викино обещание, что классы интересные, точно оправдалось. Товароведение и кулинарию вела одна и та же учительница по имени Елена Николаевна. У нее был диплом инженера-технолога, высший разряд повара-мастера и четверть века работы в ресторане. Казалось, что насчет продуктов и их приготовления она знала все на свете. На уроках товароведения Елена Николаевна даже про самую обычную знакомую еду рассказывала завораживающе, словно сказку. Про соль – каким она была дефицитом, и что в XVII веке, если нерасторопный деревенский ребенок нечаянно рассыпал соль, глава семьи мог его и прибить. Отсюда и пошла плохая примета – рассыпал соль, жди беды. Про картошку – как крестьяне не хотели заменить ею свою репу и устраивали картофельные бунты, но царь Петр велел заставить их

сажать картофель. Про кофе, как тот же царь Петр велел боярам «по утрам кофий пить».

Повезло же боярам, подумал Игорь. Семье Игоря был доступен только кофейный напиток «Ячменный колос», да иногда растворимый кофе, купленный у соседки Клавы. Про настоящие кофейные зерна он только слышал.

На уроках кулинарии Елена Николаевна рассказывала историю происхождения блюд: откуда появилось название «бефстроганов», как в 1758 году повар осажденных англичанами французских войск придумал майонез, и многое другое.

Из продуктов Игоря больше всего заинтересовали артишоки, спаржа и бананы. И, похоже, не его одного.

– Лен Николаевна, а вы сами-то видели артишок? – спросил как-то Венечка на одном из уроков.

– Нет, не видела. Только на картинках.

– А бананы пробовали?

– К сожалению, нет.

Тут не выдержал Игорь.

– А зачем тогда мы про все это учим, если даже вы, повар со стажем и опытом, никогда их не видели? Какие тогда шансы у нас?

Елена Николаевна сняла очки, протерла их носовым платком, вновь надела и негромко сказала:

– Игорь и вы, ребята, запомните, что все течет, все меняется. Империи рушатся, власть имущие приходят и уходят.

Кто знает, как изменится ваша жизнь и где вы окажетесь лет через десять. Если мне не довелось повидать и попробовать эти экзотические продукты, то, может, ваше будущее будет другим. Вы будете жить в другие времена, и, как знать, может, даже будете готовить спаржу в беконе и банановое суфле.

Она улыбнулась.

– Ну, а пока учите, впитывайте и запоминайте все, что можете. Итак, записывайте. Оптимальная температура хранения бананов – это 12-13 градусов при влажности воздуха в пределах 85-90%. Зеленые фрукты, с хорошо обозначенными ребрами на шкурке, перевозятся в герметичной камере, но при этом камера не должна быть заполнена до отказа.

Глава четвертая. Три аккорда, три аккорда я тебе сыграю гордо

Сначала Игорь даже не понял, зачем им еще преподают и эстетику. Хотя Игорь не был ни старостой, ни комсоргом, но его тоже посадили за первую парту из-за плохого зрения. Он мог видеть все картинки, которые показывала маленькая сухонькая учительница эстетики Эмилия Яковлевна. А посмотреть было на что.

Игорь ожидал, что их будут учить, как правильно пользоваться вилками и ножами и какой стакан для какого вина. Все-таки кулинарное училище. Но он ошибся.

Эмилия Яковлевна объяснила разницу между этикой и эстетикой на первом же уроке.

– Многие люди путают эти понятия. Это существенно разные дисциплины. Если этика ориентирована на нравственность и мораль, определяя правильное поведение, то эстетика ориентирована на красоту и эстетическую ценность. Мы будем с вами говорить об искусстве, музыке, литературе и архитектуре. Словом, обо всем, что является красивым, гармоничным и выразительным.

«Вот тебе номер, – подумал Игорь, – а как же вилки и салфетки?»

Словно отвечая на его вопрос, Эмилия Яковлевна добавила:

– Если вы ожидали, что мы будем изучать количество приборов и фужеров на сервированном для ужина столе, то нет. Все, что касается этикета и правил поведения за столом, вы сможете найти в библиотеке. Эстетика же нужна для того, чтобы вы научились воспринимать прекрасное и не были дилетантами хотя бы на элементарном уровне.

Кто такие «дилетанты», Игорь спросил у Эмилии после уроков. Оказалось, это совсем не те, кто стреляется на дуэли.

И опять Вика оказалась права. Уроки были жутко интересные. Эмилия ставила им пластинки с классической музыкой, приносила книги с глянцевыми картинками музеев и выставок, показывала на карте, в какой стране находится Парфенон, а в какой Пантеон, и рассказывала обо всем таком, чего Игорь отродясь не слышал. Но больше всего Игоря интересовала музыка. Конечно же, Эмилия не рассказывала про рок-группы «Урия Хип» и «Би джиз». Но ее истории про оперы, оперетты, мюзиклы и концерты классической музыки были не менее увлекательными.

На одном из уроков Эмилия рассказала поучительную историю про девушку из глубинки, впервые пришедшую в оперу. Оркестр начал играть до того, как поднялся занавес. Девушка продолжала громко разговаривать. На нее шикнули сзади: «Тише, увертюра». На что она огрызнулась: «Сама ты увертюра!» Эта история стала среди студентов училища хо-

дьячим анекдотом и ругательством высшего порядка.

Сергея и Венечка старательно делали вид, что эстетика – это мура. Игорь принимал условия игры и тоже писал конспект по минимуму. Но каждый урок замороженно слушал про знаменитые литературные и музыкальные произведения, архитектурные стили и исторические достопримечательности, неизведанную и красивую жизнь где-то там, за стенами 61-го училища. Где-то там за пределами железнодорожного вокзала города Стаханова высилась Эйфелева башня и кренилась Пизанская. Где-то там бил фонтан Треви и влюбленные целовались на ступенях Испанской лестницы под треск печеных каштанов. Где-то там скрипка выводила Моцарта, а где-то счастливые обладатели билетов торопились на мюзикл «Кошки». Где-то там пальцы автора касались клавиш пишущей машинки и шуршал карандаш по бумаге, создавая новые повести, рассказы, стихи и слова к песням. А где-то уже играла увертюра к «Пер Гюнту» и в зале гас свет. На уроках смешной маленькой учительницы, влюбленной в свой предмет, Игорь вдруг понял, что география его мира значительно расширилась.

* * *

Зачет на последовательность ножей электрической мясорубки провалила вся группа. Учительница по оборудованию Гортензия Ивановна, за глаза – Грымза Ивановна, оставила

всю группу после уроков учить наизусть, что за чем идет при сборке мясорубки. Память у Игоря, как у будущего музыканта, была отличная, но про ножи он тоже прошляпил. Ни дипломат, ни портфель, ни даже пакет с вишнями он так себе не купил и потому ездил в бурсу с одной тетрадкой за поясом и записывал туда все предметы подряд. А про ножи не записал.

Грымза Ивановна повесила на доску плакат с картинкой мясорубки ровно на пять минут.

– Все успели записать? – и сняла его.

Не прошло и трех минут, а Игорь уже поднял руку.

– Гры... Гортензия Ивановна, я уже все запомнил. Можно сдать устно?

– Вишаненко, уже готов? Давай тогда вслух, чтобы все знали, у кого есть шансы работать в мясном цехе, а кто будет до старости болтаться в овощном и чистить картошку вручную.

Девчонки все еще хлюпали носами над своими конспектами, но тут в кабинете повисла тишина.

– В корпус ставим шнек, первой идет подрезная решетка, потом первый двухсторонний нож, измельчительная решетка с крупными отверстиями 8 или 12 миллиметров, второй двухсторонний нож, вторая измельчительная решетка с мелкими отверстиями 2,3 или 5 миллиметров, прижимное кольцо, прижимная гайка. Все.

Игорь улыбнулся.

– Ничего не забыл? – спросила Грымза Ивановна, сощурив глаза.

– Ах да, сразу после установки шнека нужно также поставить шпонку в паз корпуса, чтобы при работе мясорубки решетки не вращались.

– Молодец. Правильно. Все слышали?

Игорь засмутился. Говорила же Вика, что парням легко дается оборудование.

– Ну раз Вищаненко у нас такой умный и все быстро выучил, – продолжала учительница, – то, значит, будет принимать участие в олимпиаде по оборудованию в этом месяце.

Девчонки захихикали, а Венечка и Серега на последней парте откровенно заржали.

– Да я, это, больше ничего не знаю, – оправдывался Игорь.

– Я тебе помогу узнать побольше. Вот тебе методичка по мясорубке «Универсал». Олимпиада через две недели. Так что есть время все выучить.

– У него сестра-инвалид! – крикнул Серега с последней парты. – Нету времени учить!

Игорь зыркнул на Серегу – друг, называется.

Гортензия Ивановна продолжала:

– Займешь одно из трех первых мест на олимпиаде, и тогда освобожу от экзамена по оборудованию в конце года. Пятерка автоматом.

Игорь встрепенулся:

– Правда?

Гортензия Ивановна кивнула, и Игорь взял методичку.

На олимпиаде среди училищ он вошел в тройку победителей, так как каждый день читал методичку в трамвае по дороге в бурсу и обратно. К концу второй недели он знал про мясорубку «Универсал» абсолютно все. Самым сложным оказалось написать возвышенную цитату перед началом задания. Игорь не знал, что надо было писать что-нибудь из решений последнего пленума ЦК КПСС, и написал строчку из песни: «Утверждают космонавты и мечтатели, что на Марсе будут яблони цвести».

Может, в комиссии были поклонники стихов Долматовского или песен в исполнении Трошина, но Игорю присудили второе место. Пятерка за экзамен по оборудованию была в кармане.

* * *

Училище готовилось к посвящению первокурсников в поварята. Программу готовили студенты второго курса, но и первокурсникам нужно было сделать какой-то ответный номер художественной самодеятельности.

ЛЛ попросила всех остаться после уроков. Девочки из близлежащих поселков ныли, что опоздают на автобус, который шел в их деревни. Лена Завгородняя объявила группе, что им нужен номер для концерта.

– Мы можем польку станцевать, – предложили две Светы,

девочки из Житомирской области.

– Вы еще гопака спляшите, – хохотнул Серега.

– Терехов, а что ты предлагаешь как самый умный? – спросила Лена.

– Надо, чтобы было как-то связано с вашей будущей профессией. Так что подумайте, – подсказала ЛЛ.

– А че тут думать? – опять влез Серега. – Вот Игореха у нас и поет и играет. Его и выставим на сцену.

На сцене Игорь еще не выступал. Он пел во дворе с пацанами, в колхозе, и в автобусе по дороге домой. Но на сцене, да еще и перед аудиторией никогда. Он представил себя перед полным залом, как у него немеют руки, как на гитаре рвутся струны и как зрители покатываются со смеху – чистый Паганини.

– Не, я не могу, – начал он.

– Опять сестра? – ехидно спросил Венечка и быстро поднялся из-за последней парты, видимо, вспомнив, что он же комсорг и тоже имеет отношение к общественной работе.

Несмотря на свой вес, он грациозно двигался, был легок на подъем, и скоро девочки окрестили его Венчиком вместо Венечки. Шехтер только улыбался.

– Нам нужно постоять за честь группы. Я слышал, что и первая и третья группы готовят какие-то номера. Нам тоже надо не ударить в грязь лицом.

– А что я, один должен отдуваться за всю группу? – спросил Игорь.

– Ну почему один? Давайте все вместе споем про птицу удачи. Это ведь почти курица! – предложил Венчик. Девочки засмеялись.

«Можно за девчонками сзади спрятаться», – подумал Игорь и согласился. Когда-то же надо начинать преодолевать страх выступления перед большой аудиторией, если собираешься стать знаменитым музыкантом.

На следующий день он принес в бурсу свою гитару, и они начали репетировать. Житомирские Светы не только могли плясать польку, но еще и хорошо рисовать. Они и придумали нарисовать силуэт тушки курицы на альбомных листах, раскрасить их синим цветом и вырезать по контуру. Сначала решили их просто держать в руках, а потом размахивать ими в конце каждого куплета. Получилось здорово. Слова даже не пришлось учить. Их все помнили еще с колхоза. Кур раскрашивали во время уроков.

Казалось, что в субботу 31 октября на посвящение первокурсников в поварята, проходившее в актовом зале, собралось все училище. Директор училища Зинаида Ивановна, парторг Копылов и все учителя сидели в первом ряду. За ними группы 811, 812 и 813. На последних рядах расположился второй курс из тех, кто не участвовал в программе.

Сначала было нудное выступление худенькой Женечки, секретаря комсомольской организации, про важность профессии повара в строительстве коммунизма и про возможности советской молодежи.

Игорь вспомнил где-то услышанную шутку про Брежнева, который обещал привести страну к коммунизму. А когда народ пожаловался руководителю партии на дефицит продуктов в магазинах, Брежнев ответил: «А в дороге вас никто кормить не обещал».

Потом Копылов сказал несколько слов о том, как важно молодому поколению страны получить среднее образование. Наконец вышли второкурсники и показали пару смешных сценок про поваров, а староста 802-й группы прочитала указ, что отныне первокурсникам разрешается резать пальцы, обжигать ладони и брать с собой на практику линейку, чтобы замерять толщину нарезки овощей. Игорь уже начал понимать профессиональный юмор и смеялся вместе с остальными.

Восемь девочек из первой группы, в венках из цветной бумаги, танцевали украинский танец, и Вика была среди них. Игорь опять посмотрел на ее ноги, но как отличить ноги с плоскостопием от обычных, так и не понял.

Вторая группа чуть замешкалась с выходом на сцену, потому что петь хотели все, даже Серега с Венчиком, а выход на сцену не репетировали. Последним вышел Игорь с гитарой наперевес и собирался уже спрятаться за спины девочек, но Лена Завгородняя и одна из Светок подхватили его и поставили перед группой, вставшей за ним полукругом. Игорь поднял глаза и обмер. На него смотрели человек двести. Двести пар ушей услышат каждую фальшивую ноту. Двести пар

глаз увидят каждый неправильный аккорд. Двести ртов засмеются над его дрожащим голосом.

Как там сказала Ирка? «Три аккорда, три аккорда я тебе сыграю гордо». Какой из него к чертовой бабушке музыкант, если он так боится сцены?

Мокрые ладони сжимали гриф гитары, а губы пересохли. Колени вдруг подкосились, и он непроизвольно сделал шаг назад. И тут же почувствовал теплую ладонь на своем плече и услышал голос Лены Завгородней: «Игорь, не бойся. Давай, играй как в колхозе».

То, что она сказала не «как на репетициях», а именно «как в колхозе», и дало Игорю второе дыхание. Именно в колхозе были все свои и все были друзья, и было весело, и все знали его репертуар и любили «Машину времени» почти так же горячо, как и он. Он увидел, как в зал пробрались Ирка с мамой и встали в проходе, потому что свободных мест уже не было. Он облизнул губы непослушным языком и опустил глаза. «Три аккорда, говоришь, а я тебе сейчас все четыре сыграю», – и ударил по струнам.

Группа запела, чуть сбившись на первой строчке, но потом хором, складно, в унисон.

Игорь оторвал взгляд от своих пальцев, зажимающих аккорды, и поднял глаза на зал только на втором куплете, когда уже кое-кто из публики тоже начал подпевать. Девчонки держали в руках трафареты синих кур и размахивали ими из стороны в сторону в такт песне. В зале смеялись и показы-

вали на них руками.

На последнем куплете Игорь чуть убавил тембр боя и голоса и запел негромкое соло, как и договаривались с группой.

Стала пуганой птица удача
И не верит людским рукам.
Да и как же ей быть иначе –
Браконьеры и тут и там.
Подкрадешься – она обманет,
И вот уже навсегда ушла,
И только небо тебя поманит
Синим взмахом ее крыла.

На повторе последних двух строк куплета уже грянул весь зал:

И только небо тебя поманит
Синим взмахом ее крыла.

Игорь затараторил точь-в-точь как Макаревич:

И то-то-только небо тебя поманит
синим взмахом ее крыла.

И еще раз пятнадцать на бис. Зал стоял на ушах. Уходя со

сцены, девчонки махали всем куриным крылом, прощаясь с публикой.

Аплодисменты не смолкали добрых пять минут.

Игорь даже не понял, с каким номером художественной самодеятельности выступала третья группа. За сценой его обнимали девчонки и так щебетали на все голоса, что даже прибежала Женечка пошикать на них и призвать к порядку, а затем выгнала в зал на свои места.

После окончания выступления третьей группы – кажется, они читали стихи – директор Зинаида Ивановна вышла на сцену и поблагодарила всех принимавших участие и подаривших училищу и его руководству такой замечательный праздник.

– Ну а теперь наш главный подарок для наших поварят, – объявила она и кивнула Женечке. Та дала отмашку второму курсу, и они поднялись со своих мест, держа в руках аккуратно сложенные белые квадраты, и обступили первый курс.

Группы 801, 802 и 803 смешались с группами 811, 812 и 813. Первый курс получил в подарок белые поварские куртки от училища. После коротких осенних каникул начиналась практика в школьных и заводских столовых.

Игорь нашел маму и Ирку, чтобы отдать им гитару и белую куртку. Он собирался пойти в кино с Серегой и Венчиком после концерта.

– А ты ниче так поешь, – похвалила Ирка.

– Ты же меня столько раз дома слышала, – удивился

Игорь.

– Одно дело, когда ты дома орешь как мартовский кот, а другое дело на сцене. Ладно, мы пошли.

Сквозь толпу к Игорю уже пробирались Серега и Венчик.

– Ну че, идем в «Октябрь» на 15.30? – спросил Венчика

Игорь.

Венчик, как всегда, сначала ответил вопросом на вопрос.

– С кем это ты разговаривал?

– Мама и сестра. Гитару им отдал.

– Это инвалид которая? – приснул Серега.

– Да ладно вам. Пошутить было нельзя один раз. Пошли уже в кино, а то опоздаем.

Толпа понемногу растекалась в коридоры. Кто-то тронул Игоря за руку. Он обернулся. Вика в помятом бумажном вешалке успела ему бросить: «Игорь, классная песня» и тут же была утащена группой девочек в коридор.

– Тебе что, девчат из группы мало? Вон Завгородняя по тебе сохнет, – как-то зло спросил Серега.

– Да нет, это он поближе к начальству держится, – сказал Венчик.

Игорь все еще пребывал в состоянии эйфории от успеха выступления их группы и провожал Вику взглядом, так что не сразу понял про Лену и не сразу заметил саркастический тон и смену настроения его друзей.

– Что-то я ничего не понял. Она мне просто подруга. Я же вам говорил, что мы вместе поступали в бурсу в июле, там

и познакомились. Пацаны, вы чего? – спросил он, переводя взгляд с одного на другого.

– Так ты не знаешь? А как зовут твою «просто» подружку?

– Ну, Вика.

– А фамилия?

– А я почему знаю? Вика, да и все.

– Лазуренок ее фамилия, – с каким-то намеком ответил Венчик.

– Ну? – Игорь все еще не догонял.

– А фамилию директора нашего училища знаешь?

– Н-н-ну да, Зинаида Ивановна Лазуренок.

Тут до Игоря дошло то, что раньше не доходило. И сразу многое прояснилось в их коротких разговорах с Викторией и то, что она знала многое, чего не должна была знать.

– Да мало ли Лазуренок во всей Украине? Обычная фамилия, – все еще не сдавался Игорь.

– Конечно, много, – продолжал Венчик. – Но смотри, как бы первая группа не уехала на море без тебя. Ведь всегда можно перевестись в другую группу или просто попроситься прицепом на практику на юга.

– Венчик, ты что несешь? Я никуда не собираюсь ехать. И вообще я с ней раза три всего-то и разговаривал, совсем не зная, что она дочь директора. Ну а если и дочь, то что тут такого? Я тебе что – дорогу перешел? Ты в комсорги подался, хотя меня выбирали.

Тут Венчик перестал улыбаться и, потеряв всю свою

невозмутимость, заорал:

– Меня группа выбрала! Все голосовали! Подумаешь, на гитаре он играет! Подумаешь, в олимпиаде победил! Подумаешь, с дочкой директора встречается! Я тоже так могу, если захочу! Но пока не хочу! И никакой я тебе не Венчик, для тебя я теперь только Вениамин Давидович! Все, кина не будет. Пошли отсюда, Серега.

Они пошли к выходу. Игорь растерянно оглядел пустой зал. Он знал, что на сеанс на 15.30 билетов наверняка уже не будет, но не знал, что он встречается. Да не с кем-нибудь, а с дочкой директора училища.

Глава пятая. Раз 16, два 16

С Викой Игорь поругался в первый же день занятий после осенних каникул. Поймал ее в коридоре между парами и наговорил кучу обидных слов, обвинив ее, что она врала и что все знала о нем. А он-то, лопух, поверил, что они друзья. Зареванная Вика убежала в женский туалет, а раздосадованный Игорь пошел на урок Елены Николаевны. Но сразу же скис, поняв, что ничего этим поступком не исправил. Серега и Венчик так и держались особняком. А докладывать им, что он поругался с Викторией, он не собирался. Угрызения совести начали его грызть на второй паре. Сам дурак, ведь Вика ему ничем не была обязана. И кто с самого начала знакомства рассказывает про родителей?

«Здравствуйте, меня зовут Игорь, моя мама работает на складе машиностроительного завода. А ваша мама где работает?» Чушь какая.

– Вищаненко, мне очень понравилось твое исполнение на концерте, но похоже, что ты так оттуда и не вернулся. Можешь повторить, о чем я сейчас рассказывала? – Игорь услышал голос Елены Николаевны.

Он отрицательно покачал головой.

– Хорошо. Тогда возвращаемся со сцены в класс и слушаем материал сегодняшней лекции. А я еще раз повторю но-

вое слово «перистальтика кишечника». Оно вам нужно для того, чтобы вы знали, что все овощи содержат клетчатку. Она помогает нам переваривать пищу и способствует перистальтике, то есть продвижению пищи по кишечнику, не дает ей возможности там залеживаться. Проще говоря, помогает регулярно ходить в туалет по-большому.

Группа засмеялась. Елена Николаевна продолжала:

– Если клетчатка хороша для питания здоровых людей, то для диетического питания она даже вредна. При ранних стадиях ЖКТ заболеваний клетчатка приносит вред нежному покрытию желудка и кишечника. И нам, как поварам, надо это помнить, а потому все отваривать, перетирать, ни в коем случае не жарить, а готовить на пару и донести до потребителя на диете клетчатку в разрушенном, но съедобном виде. Всем понятно?

Игорь записал в конспекте: «перистальтика, диета, перетирать».

* * *

13 ноября двойняшкам исполнялось 16 лет. Они с Ирой заранее договорились, что и выходные и торт разделят поровну. Квартира-то не резиновая. Игорь пригласит своих друзей в пятницу, 13-го. А Ирка на следующий день, 14-го, в субботу.

Игорь так ждал этот день, мечтал, как позовет на день

рождения Серегу и Венчика, кого-то из девочек группы и, конечно же, Вику. Но теперь даже отмечать не хотелось.

«Тебе что, девчат из группы мало? Вон Завгородняя по тебе сохнет», – вспомнил он слова Сереги и хотел было пригласить Лену на день рождения, но одну ее приглашать было как-то неудобно – сразу подумают, что они встречаются. А встречаться с девушкой он пока не собирался. После колхоза они все были еще как друзья, и хотя на концерте было так же здорово, как тогда, в колхозе, но это состояние начинало улетучиваться. Пока Игорь не видел никого конкретно в роли своей девушки. Да и некогда ему было: училище, периодически посещаемая вечерняя школа и кулинарная практика, начавшаяся по средам. Ну и, конечно, гитара.

– Игореша, какой тортик ты хочешь? Ирочка вам испечет. Можно медовик, а хочешь – «Наполеон»? Сколько ребят из группы пригласишь?

– Никого не приглашу. Отмечать не буду. А торт – любой, – буркнул Игорь.

И мама и Ирка, видимо, поняли про его плохое настроение и не стали докучать с вопросами, что и почему. Мама что-то вязала, а Ирка почти не ворчала и накануне вечером героически раскатывала все восемнадцать коржей на «Наполеон». Масло и сгущенку купили у соседки Клавы. Такая дата раз в жизни, а на душе паршиво. Всю неделю лил дождь, и Игорь таскался в бурсу без настроения.

В пятницу после уроков Игорь поехал домой и увидел с

ним в одном трамвае Лену Завгороднюю. Почему она здесь? Ведь она же живет в рабочем поселке Алмазный и ездит домой на автобусе. Лена протиснулась к нему поближе и объяснила: «Еду в библиотеку на Кирова». Игорь кивнул в ответ и сошел на своей остановке «Проспект Ленина».

Дома ждал шикарный «Наполеон», украшенный по бокам рублеными и обжаренными грецкими орехами с двумя цифрами «16», выложенными зернышками граната. Ирка два торта печь не хотела и нашла выход – разрезать.

– Ирка, ну ты даешь!

Игорь даже повеселел. Такого огромного и красивого торта он еще не видел.

– С днем рождения, братан.

– Т-тебя т-тоже, сеструха.

Ирка протянула ему подарок, завернутый в желтую бумагу.

Игорь вздохнул. Слишком маленький, чтобы быть джинсами, да и откуда у мамы и Ирки столько денег. После прошлогодней московской Олимпиады, открывшей всем глаза на заграничные вещи, настоящие фирменные джинсы тянули на стольник.

Игорь развернул подарок. Внутри был черный витой шнурок и еще один тяжелый сверток в такой же желтой бумажке.

– Это еще что? – спросил Игорь. – Металлолом у нас в бурсе вроде не собирают.

– Деревня ты дремучая. Колхоз «40 лет без урожая», –

выругалась Ирка. – Это же последний писк моды. Шнурок – это сейчас вместо галстука носят. Я когда была на практике в ателье, то целый метр выпросила, самого лучшего качества, такими шнурками тяжелые портьеры в горисполкоме подвывают.

Игорь пригляделся. На шнурке была небольшая петелька.

– Дай покажу, как носят. Его еще удавкой называют. У нас все парни с обувного отделения себе такие заимели.

Ирка положила шнурок на шею Игоря, а два спущенных конца продела через петлю и подтянула ее к горлу. Шнурок болтался на голой шее Игоря и точно был похож на удавку. Ну и подарочек. Но если Ирка сказала, что модно...

– Он, конечно, с рубашкой лучше смотрится, – смутилась Ирка. – А это, – она вложила в его руки тяжелый предмет, – это бляха на ремень. Ремень мы тебе еще не купили, но в один прекрасный день, когда ты купишь себе джинсы, то ремень с этой бляхой будет очень кстати. Будешь ну очень крутой.

Игорь развернул желтую бумагу.

– Где взяла? – поинтересовался он.

– У фарцы.

– Чего?

– Ну ребята из моей бursы организовали в подвале цех по производству таких блях и металлических заклепок. Они себя называют фарцовщики, сокращенно фарца. Брат у меня какой-то отсталый.

Игорь разглядывал бляху. Тяжелая, желтого металла, размером чуть меньше ладони, с тиснением чуть косоватых остроконечных гор и несущейся по прерии лошади. Если к бляхе купить черный кожаный ремень, то на бледно-голубых джинсах будет смотреться отпадно. Игорь хотел только бледно-голубые, о другом цвете не могло быть и речи.

Тут из спальни вышла мама, неся его гитару, завернутую в простыню.

– Мам, зачем вы? Я не буду сейчас петь, настроение не то. Мама и Ирка засмеялись.

– А нам и не надо.

И мама жестом фокусника развернула простыню. А там вместо гитары красовался черный футляр для гитары.

Игорь сначала схватил футляр, потом бросился обнимать маму и Ирку.

И уже потом осторожно взял в руки свой подарок. Футляр был твердый и по качеству напоминал большой неуклюжий чемодан с ручкой. Конечно, не кожа, а стопроцентный черный дерматин, но шикарный – обитый металлическими заклепками, и с двумя замочками и маленьким ключиком в одном из них. Еще и запирается. Внутри он был выстлан синим бархатом, и все как надо – два выпирающих квадрата для поддержки грифа, карманчик для медиатора и запасных струн. Мечта, а не подарок.

– М-мама. К-как? Откуда? – Игорь еще не мог поверить, что у него есть такой классный футляр для гитары.

– Дальнобойщики из Москвы привезли. Они отвозили болванки на ихний московский завод, ну и привезли заказы женщинам со склада. Кому помаду, кому конфет московских, а я вот футляр попросила.

«Живут же люди в Москве», – подумал Игорь и спросил:

– Вы деньги из шк-шкатулки взяли? Т-там же т-только 15 рублей. На-навверное, жутко дорогой.

– Нет, не из шкатулки. Мы с Ирочкой сложились.

– То ли еще будет, – сказала Ирка, – вот закончим учиться и будем жить как тетя Клава – смотреть цветной телевизор и носить джинсы.

Игорь все еще разглядывал свой футляр, когда мама его тихонько толкнула:

– Игорек, твой подарок.

Ах да, у Ирки же тоже день рождения. Он весь октябрь экономил на обедах, тратя данную мамой пятерку только на проезд. Мама чуть добавила денег для нужной суммы и помогла с выбором подарка. Игорь достал из серванта, где лежали его пластинки для проигрывателя, сверток в серой магазинной бумаге.

– Вот, с днем варенья, сеструха.

Так они поздравляли друг друга, когда были маленькие.

Ирка развернула шершавую бумагу и закусила губу.

– Откуда ты узнал?

– Сорока на хвосте принесла.

– Мам, вы ему рассказали? Ну ничего в этом доме не ута-

ишь.

Счастливая Ирка разглядывала свой подарок. Отреза синего сукна, под цвет ее глаз, должно было хватить на деловой костюм, о котором мечтала Ирка.

Мама подарила Ирке большие ножницы закройщика. Она рассказала Игорю, что выпросила на складе ножницы, шедшие под списание, но мужики на ее заводе отполировали их и хорошо наточили. Ножницы выглядели как новенькие. Словом, подарки всем пришлись по душе.

Мама смахнула слезу:

– Посмотрел бы на вас отец, какие вы стали – взрослые, высокие, красивые, самостоятельные.

– Мама, ну-ну что вы о грустном? – Игорь приобнял маму, которая и вправду казалась ниже обычного, за плечи. – У нас сегодня двойной праздник, и не надо плакать.

Настроение опять испортилось от мысли, что в такой день отца нет с ними и что вместо обеденного стола, накрытого в зале, и дома, полного гостей и друзей, их будет всего трое за кухонным.

– Идите уже чай пить, – позвала Ирка, гремя чашками.

Когда Игорь с мамой вошли, большим ножом она резала «Наполеон» надвое.

Глава шестая. Новый год-82

Со второй четверти началась студенческая практика в заводских и школьных столовых Стаханова. Игоря и дылду Валентину, приезжающую в бурсу каждый день из своего поселка, отправили в среднюю школу.

Игорь разочарованно разглядывал небольшую грязноватую кухню с выщербленными кафельными полами в горячем цехе, с огромной электрической плитой посередине, на которой высились пятидесятилитровые кастрюли с красной маркировкой на боку: «1 блюдо», «2 блюдо», «компот», «чай», «молоко».

Подсобная комната, где Валька и Игорь по очереди переодевались в рабочую одежду, была еще омерзительнее. Холодное узкое помещение, заваленное коробками с подгнивающими овощами и голыми говяжьими мослами для супа, по температуре, запаху и содержимому походило на морг.

«Неужели это и есть моя будущая работа? – думал Игорь. – В этой грязи с протухающими продуктами и гнилыми запахами? Из этой помойки и домой ничего не хочется нести».

Заведующая производством не поручала Игорю и Вальке никакой нормальной работы, кроме чистки и нарезки картошки и лука. У Вальки текли слезы всякий раз, когда они

неумело шинковали лук.

– Злой, зараза, – ругалась Валька. – Мамка говорит: «Чем злее лук, тем добрее хозяйка». Вранье. Вот какие злые поварихи ходят.

Толстые поварихи в засаленных фартуках и вправду были злые. Однажды Игорю доверили засыпать в огромную кастрюлю картошку для супа. Он не прочел красную маркировку на боку и засыпал картошку в кастрюлю с темным содержимым. Оказалось, это был компот.

– Ти шо, не вмієшь читати? Ось туточки розгрібаєшь картоплю шумівкою!⁷ – заорала на Игоря пожилая повариха и всучила ему поварешку с дырочками, чтобы Игорь выловил картошку из компота.

Она добавила с полкило сахара в кастрюлю и подавала компот на обед школьникам как ни в чем не бывало. Игорь поклялся себе никогда больше не обедать в столовых.

После трудовой смены Вальке разрешили набрать домой говяжьих мослов. Игорю никто ничего не предложил.

* * *

Вторая четверть была на исходе. Зима выдалась снежная. Девчонки из деревень часто опаздывали к началу занятий или вообще не приезжали в зависимости от того, смог поселковый автобус доехать по снегу до их станции или нет.

⁷ Ты что, не умеешь читать? Вот здесь выгребай картошку шумовкою! (укр.)

К концу декабря уже никто не хотел учиться. Четвертные оценки уже были известны. На базаре продавали елки и сосны. Спрос на горошек и майонез вырос. Первостепенным являлся вопрос, кто с кем будет встречать Новый год. Житомирские Светки первыми уехали на зимние каникулы в свой Житомир. За ними потянулись остальные неместные студенты, жившие далеко от Стаханова и добиравшиеся до родных мест поездом.

Валька рассказала Игорю, что Венчик пригласил к себе домой на квартиру полгруппы из местных студентов отмечать Новый год.

– Так у него же вроде частный дом. Еще яблоня растет, – удивился Игорь.

– Да не, у них четырехкомнатная квартира на Карла Либкнехта. Еще пригласил Серегу, Лену Завгороднюю, меня и восемь девчонок, с которыми сильно сдружился в колхозе.

«Ну, ясно, меня не позвал, значит, со мной не сдружился. Ну и катись ты со своей четырехкомнатной квартирой, – подумал Игорь. – Опять один, как на день рождения».

Но он ошибся. Ирка позвала к ним домой отмечать Новый год если не полшвейного училища, то добрую его треть. Готовить блюда для праздничного стола Ирка припрягла всех своих немногочисленных домочадцев. Холодец взяла на себя мама. Игорю достались селедка под шубой, винегрет и оливье. С нарезкой у него уже получалось хорошо после двух месяцев опыта в школьной столовой. Ирка запекала кури-

цу, фаршированную черносливом, и картошку с майонезом в духовке.

Глядя, как умело Ирка шпиговала курицу чесноком и замачивала чернослив в теплой воде, Игорь в который раз подумал, что это сестре надо было идти в кулинарное. Вон как у нее все ловко получается.

– Игорь, репчатым луком нужно посыпать селедку, а не картошку. Так вкуснее, – сказала Ирка.

– Уже поздно, – ответил Игорь. – Я картошку майонезом намазал.

– Ничего не поздно. Аккуратно лопаточкой переложи слой картошки на тарелку, посыпь селедку луком, а потом картошку назад и разровняй. Морковкой и вареным бураком прикроем, и никто не узнает, что ты лопухнулся. Как там ва-ша училка из бursы говорила? «Повар прячет свои ошибки под соусом, а доктор под землей». Хорошо, что ты не в медицинское училище пошел.

Игорь тоже уже жалел, что поступил на повара. Уж лучше бы на какого-нибудь фрезеровщика подался, что ли. Теория по всем предметам у него шла хорошо, и пятерки стояли по всем предметам, кроме физры. Помогала отличная память и то, что он сидел на первой парте из-за зрения. А там не пофилонишь, приходилось и учителя слушать и конспекты писать. Ну, мужской вариант конспекта, конечно.

А практика так и свелась к чистке и нарезке овощей, после которых у него были порезаны пальцы, и тасканию горя-

чих кастрюль на раздачу. В мясной цех его так никто и не пригласил.

Новогодними подарками решили обменяться до прихода Иркиных гостей, да и мама собиралась идти отмечать Новый год к тете Клаве со второго этажа и там же остаться смотреть «Голубой огонек» по цветному телевизору.

Ирка подарила Игорю ремень для той крутой бляхи с лошадыю.

– Кожзам, – сказала она. – Наша фарца делает. Петька постарался, подогнал под размер бляхи.

Мама подарила Игорю и Ирке по синему вязаному жилету, что вязала по вечерам.

– Под цвет ваших глаз, – сказала она, грустно улыбнувшись, но упоминать отца, от которого двойняшкам достались темно-голубые глаза, не стала.

Подарки Игоря не претендовали на оригинальность: две шоколадки «Аленка» – одна маме и одна Ирке.

Мама надела свое единственное выходное платье из красного кримплена, пошитое ей Ирккой еще в девятом классе, поцеловала двойняшек, и со словами: «Увидимся в следующем году» и с тарелкой холодца ушла на второй этаж.

Говорливая и краснощекая с мороза толпа Иркиных друзей ввалилась в 27-ю квартиру в 22.45, если верить ходикам на стене. Семь девчонок и три парня. Они принесли московскую копченую колбасу, эдамский сыр и спиртное.

– Ирэн, это и есть твой брательник? – спросила сильно на-

крашенная толстушка, снимая пальто с лисицей. – А вы похожи – лицо, глаза, рост. Меня Вита зовут. Вообще-то, мама назвала Викторией, но этих Вик сейчас как собак нерезанных, поэтому я и придумала Виту.

На Вите было цветастое трикотажное платье, которое обтягивало ее тело как целлофан сосиску, но она ничуть не смущалась своих пышных форм и сразу объявила подружкам:

– Девочки, чур, Игорь мой кавалер на вечер. Но на медленные танцы могу одолжить потанцевать по одному разу, – и засмеялась.

Игорю она сразу не понравилась, но было поздняк метаться. Да и куда сильно убежишь в двухкомнатной малогабаритной квартире площадью 26 квадратных метров?

Три парня и были фарцой, как их называла Ирка.

Игорь познакомился только с Петей. Два других парня прилипли к девчонкам и зажимались с ними целый вечер на диване, поэтому Игорь их особо не запомнил.

Невысокий коренастый Петя первым протянул Игорю руку для знакомства:

– Пьер, – представился он. – А ты брат Ирэн? Наслышан.

Похоже, переименование родных имен было в моде в швейном училище. Если Ирка это Ирэн, Виктория это Вита, Петька это Пьер, то и Игорь решил не отставать на вечер.

– Гарри, – сказал он и пожал руку Пети.

Гости принесли семь бутылок спиртного, и отмечать все

начали еще до боя курантов. Игорь раньше только пробовал разливное вино с пацанами во дворе. В новогоднюю ночь он попробовал и водку, и рислинг, и шампанское.

Курил сигареты «Стюардесса» с Пьером на балконе. Из своих у него был только «Беломор».

Скакал со всеми под песню «Бони М» «Варвара жарит кур». Хотя до новогодней вечеринки он точно знал, что английское название этой песни было «Daddy Cool», но после третьего стакана шампанского ему стало все равно, и он вместе с Иркиными гостями распевал на русском:

Варвара жарит кур,
Варвара жарит кур,
Жарит, жарит кур,
Варвара жарит кур!

Танцевал медляки со всеми девочками по очереди, кроме Ирки.

А когда вышел в тесный коридор за пачкой папирос в своей куртке, толстая Вита прошмыгнула следом. Она зажала его своим могучим потным телом, толкнула к вешалке с верхней одеждой и поцеловала взасос. От нее несло винегретом и селедкой. Игоря не вырвало прямо на пальто с лисицей только потому, что он и сам был пьян. За свой безобразно пахнущий первый слюнявый поцелуй он обозлился сразу на всех – на Виту, на Вику, на Венчика с Серегой, на Лену Зав-

городнюю и почему-то на Ирку с мамой. И только сильнее сжал руками большое потное тело. Вита некрасиво заржала.

– Гарик, ты неправильно целуешься, дай-ка я тебя научу, – выдохнули селедочные губы.

Глава седьмая. Масло сливочное – 5 граммов

Возвращаться в училище после постыдного Нового года и 11 дней зимних каникул Игорю было в ломы. Хотя кто в группе мог узнать, что он целовался по пьяни с бесшабашной Витой, а потом на трезвую голову они даже сходили в кино вчетвером – Ирка с Пьером, и Игорь с Витой. Крутили какой-то нудный черно-белый польский детектив, от которого у Игоря не осталось ничего, даже названия. Несмотря на то, что они не встретили никого из знакомых в кинотеатре, Игорю было стыдно смотреть в глаза Лене Завгородней или случайно встретить Вику в коридоре.

Хорошая новость пришла в виде нового распределения на практику. Теперь те, кто проходил практику в заводских столовых, были отправлены в школы, и наоборот. Игорь попал на практику в столовку машиностроительного завода, где работала заведующей сменой тетя Клава.

За время зимних каникул Ирка пошила Игорю настоящий поварской колпак. Как в кино у всяких там французских поваров, такое белое пушистое облачко над высокой тульей.

– Будешь как настоящий повар. Шеф Гарри, а что? Звучит неплохо, – подкалывала Ирка.

Женщины-повара носили на головах высокие громоздкие сооружения из марли и крахмала. Как накрахмаленный кусок стоячей марли превращался в высокую корону, Игорь так и не понял, хотя мастачка показывала пару раз в первый день практики. В школьной столовой Игорь носил белую пилотку, да там особо никто и не придирался по поводу головных уборов. Еще та шарашкина контора.

Заводская столовая поразила Игоря размером и размахом.

Здание столовой сдали в эксплуатацию только в прошлом году. Просторные цеха, высокие окна с сетками от мух, чистые белые полы и громадный горячий цех с новейшим оборудованием. Про такие котлы, в которых готовят первые блюда сразу на 400 человек, Игорь помнил из уроков по оборудованию. Грымза Ивановна не зря гоняла их по техническим данным паровых котлов и мясорубок. Ну еще бы – накормить 1000 рабочих за одну смену это вам не картошку в компоте вылавливать.

Заглянул Игорь и в мясной – там стояли столы и мойки из нержавеющей стали, деревянный сруб, покрытый толстым слоем поваренной соли, весы, огромные холодильные камеры и мясорубка «Универсал». Игорь завистливо вздохнул и закрыл дверь, пока не явились работники мясного цеха.

Даже сами поварахи заводской столовой были все чистенькие и аккуратненькие. Для вытирания мокрых рук и подхвата горячих кастрюль они носили при себе белые полотенца, а не старые засаленные тряпки, как повара в школь-

ной столовой. У каждой из них был свой набор ножей.

Так Игорь узнал, что каждому уважающему себя повару, особенно если ты мужчина и работаешь в мясном цехе, полагается иметь свой набор ножей. Производственные безобразные ножи с неудобными ручками из черного пластика были тупее не придумаешь.

– Не беда, добудем, – сказала Ирка. – Мам, кто у вас там из токарей делает ножи? А мы обменяем на ремень с крутой бляхой или рубашку с заклепками. Пьер подгонит.

«С таким Пьером и я бы не пропал», – подумал Игорь. Невысокий Пьер был на голову ниже дылды Ирки, но это его не смущало, а уж Ирку тем более. Она мечтала о сапогах-чулках на шпильке. Игорь был уверен, что Пьер добудет и этот дефицит, дай ему только время.

Через неделю у Игоря был свой набор ножей – маленький для чистки корнеплодов, средний для филирования мяса и рыбы и большой для рубки. Рукастая Ирка пошила Игорю холщовый кляссер вроде тех, в которых художники носят свои кисти.

– Красота. Ирка, ну ты и башка. Деловая, умная, с фантазией. Тебе не в ателье работать, а где-нибудь в дизайнерской компании какого-нибудь Софи Лорена.

– Тундра ты, Игорь. Софи Лорен это итальянская актриса. А Ральф Лорен это американский дизайнер одежды.

Ирка вздохнула.

– Эх, была бы у меня машинка с оверлоком, я бы такие

модели создавала, что закачаешься. А то все вручную приходится обметывать. Еще я бы в театре хотела работать, костюмы для актеров шить. Хорошо бы махнуть куда-нибудь в Прибалтику или, еще лучше, за границу. Да вы с мамой без меня пропадете.

Может, и не пропадем, но без Ирки будет туго.

То ли набор ножей так произвел впечатление, то ли новый поварской колпак, то ли умение Игоря быстро нарезать картошку кубиками, а может, и все вместе, но ЛЛ почему-то прониклась к Игорю и взяла над ним персональное шефство.

Вообще-то мастачкам полагалось регулярно приходиться на предприятия общественного питания и курировать своих студентов во время прохождения практики. Но в школьную столовку ЛЛ зашла только один раз и так же быстро вышла.

– Игоречек, золотко, сам понимаешь, в мясной тебя пока поставить не могу, – сказала тетя Клава, вернее, Клавдия Никаноровна, как ее нужно было называть на производстве. – Но могу на горячее. Научись блинчики и сырники печь. Картофельные зразы, крокеты. А там, глядишь, и до котлеток доберемся.

Она засмеялась беззвучным смехом. Несколько слоев тети-Клавиного живота заколыхались вместе с ней. Игорь так и не понял, почему ему нельзя в мясной уже сейчас, но спрашивать не стал. Ну, горячие так горячие.

В горячем цехе Игорю даже выделили персональный стол с поверхностью из нержавеющей стали и настольными сини-

ми весами и дали новенькую разделочную доску.

Игорь решил задать вопрос, который у него вертелся в голове с утра.

– Людмила Леонидовна, а какая зарплата у повара?

– 40 рублей в месяц за третий разряд. Если у тебя четвертый, то 50. Ну, повар-мастер и заведующая производством вытянет на 90.

– Сорок рублей? А почему так мало?

– Потом поймешь. А теперь мой вопрос. Какое самое главное правило повара? – спросила ЛЛ, разворачивая свои персональные ножи, завернутые в белое полотенце, и глядя на кляссер Игоря.

– Разделение горячих и холодных блюд в зависимости от температуры подачи, – ответил Игорь.

– Это само собой. Но то ж на страницах учебника. А на работе главное правило – приготовил, уברי за собой. Это значит – что бы ты ни делал, держи свое рабочее место в чистоте. Использованное оборудование и посуду моешь сам. У тебя на столе всегда должно быть чисто. Тогда и тебе, и санстанции спокойнее спится.

Санстанцию боялись все как огня, впрочем, как и народного контроля, который приходил на производство проверять вложение продуктов и мог подкараулить поваров после работы и проверить сумки.

– Не понял, – удивился Игорь. – А для чего ж тогда уборщицы и посудомойщицы?

– Их обязанности мыть посуду после раздачи блюд. Но они с радостью вымоют твою посуду, использованную для приготовления пищи, если запомнишь второе правило: «Живи сам и давай жить другим».

– Это как?

– А вот сегодня и узнаешь. Что у тебя там по разнарядке на сегодня?

– Сто порций блинчиков.

– Раскладку знаешь?

– На блины второй категории? Знаю.

На уроках кулинарии Елена Ивановна рассказывала, что повара со стажем помнят наизусть около 300 раскладок блюд на память. Столько Игорь не знал, но где-то 50 уже помнил. Раскладку на блины запомнить было просто.

– Мука пшеничная 66 грамм. Четвертинка яйца. Сахар 4 грамма. Масло 5 грамм. Вода 115 грамм. Соль полтора и растительное масло для жарки.

– Молодец, – похвалила ЛЛ. – Пошли получать продукты.

Игорь быстро в уме умножил раскладку блинов на сто. Как и всем музыкальным людям, математика ему давалась легко, и с цифрами он дружил. С освоением новой профессии Игорь заметил, что окружающий мир стал измеряться номерами. Он считал все – ступеньки до своей квартиры, куски хлеба, что резала Ирка на ужин, картофелины, что чистил в столовой. Вот только дурацкая тригонометрия в вечерней школе никак не шла.

Взглянув на накладную Игоря, кладовщица выдала продукты.

Мука пшеничная – 6600. Яйца – 25 штук. Сахар – 400 граммов. Полкило сливочного масла и литровую бутылку растительного. Вода была в кране, а соль стояла на всех столах в белых пластиковых коробках со словом «СОЛЬ».

ЛЛ отложила десяток яиц и сахар в сторону и помогла Игорю замесить блинное тесто, велев сделать его сначала густым как на оладьи.

– Так, теперь лей теплой воды побольше, да не жалея, – говорила ЛЛ, пока Игорь пытел, размешивая деревянной мешалкой густое тесто в большой кастрюле.

Наконец консистенция жидкого теста удовлетворила ЛЛ, и она отлила немного в кастрюлю поменьше.

– Сходи в мясной и попроси кусок сала, – велела ЛЛ Игорю.

– Зачем?

– Иди и делай что велено.

Игорь вернулся с ошметком сала чуть меньше ладони.

ЛЛ отрезала кусок размером со спичечный коробок и насадила его на вилку.

– Это еще зачем? – удивился Игорь.

– Экономим растительное масло. По раскладке его полагается лить на сковороду и использовать для жарки. Мы его нальем немного в тесто, а смазывать сковороду будем вот этим куском сала. Поварешку в руки и поехали.

Сначала ЛЛ только покрикивала на него.

– Игорь, шевели ручками!

– Да быстрее, пока тесто не начало прижариваться!

– Наклоняй сковородку в разные стороны!

– Заполняй все дырочки тестом!

Ну и работенка. Игорь испортил пять первых блинов и обжог руку. Но ЛЛ была непреклонна. Намазала руку Игоря растительным маслом из бутылки и велела продолжать.

Когда Игорь наловчился ровно разливать тесто по всей поверхности и лопаточкой снимать блины почти без потерь, ЛЛ взяла вторую сковородку и встала рядом жарить блины, попутно рассказывая всякие блинные секреты. О том, что можно пробовать сырое блинное тесто на соль, ну или съесть первый блин. Рассказала ЛЛ, что у блинов с припеком жарят только одну сторону блинчика, укладывают на обжаренную сторону начинку из мяса или капусты с вареным яйцом и потом уже, свернув конвертиком, обжаривают с другой стороны. Что старая горелая сковорода всегда лучше новой, потому что пригар и есть наиважнейшее условие, чтобы блины снимались хорошо. Что каждый блин можно промазывать минимальным количеством сливочного масла. Эти и другие секреты ЛЛ рассказала Игорю, пока они в четыре руки и на четыре сковородки пекли блины.

Жар от печи застилал глаза. От льющегося градом пота не спасал и крутой колпак, заставляя Игоря поминутно вытирать лоб полотенцем. Сковороды с каждым разом станови-

лись тяжелее, а от запаха блинов уже тошнило. Четыре сковородки летали вверх и вниз, а стопка румяных промасленных блинов росла.

Они еле успели закончить с блинами к полудню, когда откровенно раздача на рабочий перерыв. На блины Игорь уже не мог смотреть.

Они отнесли их на раздачу, где молоденькая хорошенькая раздатчица в огромном накрахмаленном колпаке и безупречно белом халате переложила их в раздаточный лоток.

– Теперь не скоро захочешь блины дома печь, – сказала она и подмигнула Игорю.

ЛЛ заставила его вымыть всю использованную посуду, вытереть стол и бортик печки, где они жарили блины.

У Игоря остались десяток яиц, пачка масла, стакан сахара, полкило муки и полбутылки растительного масла.

– А это куда? – спросил он.

– А это, милый мой, ответ на твой вопрос: почему у поваров такая маленькая зарплата. В самой раскладке уже заложено, что что-то вполне съедобное можно приготовить и из меньшего количества продуктов. Но помни второе правило, что нужно давать жить и другим.

Игорь понял намек и отнес пять яиц назад кладовщице и оставшуюся муку пожилой посудомойщице бабе Нюре. Остальные пять яиц, пачку масла и сахар хотел отдать ЛЛ, но она не взяла.

– Ты заработал. Неси домой. Да аккуратно выходи из сто-

ловой, чтобы народу вокруг не было.

– Дак у меня, это, нету ничего, в чем нести.

– А это правило номер три – у повара всегда в запасе есть кульки, пакеты, банки и добротная сумка. Можешь хранить это в раздевалке в своей кабинке. А пока возьми мою сумку и пакеты. Принесешь назад в следующую среду.

Теперь Игорь понял, почему ему нельзя в мясной. Помимо искусства разделки туш, нужно еще будет учиться, какой кусок оставить себе и какой начальству, и как еще приготовить съедобное блюдо, чтобы народ не возмутился. А это, видимо, тоже целая наука.

Игорь кивнул и взял синюю сумку ЛЛ. Ирка пошьет. У нее осталась мешковина от кляссера.

Практика больше не была такой скучной и вонючей, как в школьной столовой.

Дома Игорь рассказал маме и Ирке про чудеса раскладки и вытащил продукты на стол. Одно яйцо расколосось по дороге домой. Мама обрадовалась первой добыче Игоря, а Ирка заставила его печь блины еще и дома.

Маленький праздник с горячими блинами Игоря, малиновым вареньем и крепким чаем скрасил их семейный вечер. Игоря распирало от гордости, что он принес домой первые почти честно заработанные продукты и что уже умеет готовить кое-что еще, кроме супа с макаронами.

Жить все-таки хорошо. И профессию он выбрал подходящую. Пока. «Музыкантом можно стать, когда денег собью

и смогу уехать в большой город», – подумал Игорь. Туда, где есть театры и большая сцена.

Когда в середине февраля в училище приехала областная комиссия из Ворошиловграда, то ее представители заходили во все кабинеты и даже один раз остались на уроке кулинарии, где Елена Николаевна рассказывала про особенности национальных кухонь. Для показа, как у студентов проходит практика, ЛЛ выбрала Игоря со своими блинами. Он умело орудовал двумя сковородками, щедро смазывая каждый блин маслом, пока комиссия не удалилась.

Глава восьмая. Пришло время любить. Две серии

15 февраля 1982 года стало днем, который навсегда изменил жизнь тогдашних подростков СССР. На экраны кинотеатров вышел югославский фильм в двух сериях «Пришло время любить».

В этом фильме было все, о чем можно было только мечтать советскому подростку. Школьная любовь. Красивая жизнь. Отцовский «Мерседес». Главный герой Боба в джинсовой куртке (!), на дискотеке (!) в баре (!) с первого взгляда влюбляется в Марию. Их любовные приключения. И секс, о котором даже думать было зазорно, не то чтобы говорить об этом вслух или намекать с большого экрана. А ведь эти герои еще только школьники!

Но это все Игорь узнал потом. А сначала кто-то со второго курса первым посмотрел фильм, и начались шушуканья в коридорах и на улице. Девочки собирались группками, и одна счастливица, успевшая уже посмотреть фильм, пересказывала содержание остальным под охи и ахи.

Педагогические коллективы страны пребывали в тревоге. Срочно собирались педсоветы и месткомы. Но запретить ходить в кино никто не мог. Раз уж само министерство культу-

ры разрешило выход такого фильма на экраны, что тут может сделать педсовет?

Но возрастные ограничения все же применялись. Вход на просмотр был разрешен только старшим подросткам, и девчонки, не прошедшие по возрасту под суровым взглядом контролеров, рыдали на ступеньках кинотеатров, размазывая по щекам потекшую тушь, которая потерпела фиаско в попытке дать ее хозяйке все 16.

Посещаемость всех учебных заведений города, да скорей всего и всей страны резко упала, так как на вечерние сеансы было не пробиться из-за таких же любопытных взрослых, и школьникам ничего не оставалось, как прогуливать утренние уроки.

– Игорь, идешь с нами в кино? – спросила Лена Завгородняя. – Мы с девчонками решили прогулять эстетику.

– Т-ты же староста?

– Ну так и что? Староста не человек, что ли?

Игорь кивнул. Он огляделся, ища глазами Серегу и Венчика, но тех нигде не было видно. В трамвае, идущем к кинотеатру «Октябрь», студенты шумели, стреляли друг у друга мелочь на билет, девчонки передавали друг другу тушь и помаду, подкрашиваясь, чтобы пройти по возрасту. Очередь в кассу. Билеты по двадцать копеек. Полутемный зал и разбор мест, кто с кем сидит. Лена оказалась рядом с Игорем. Погас свет. И Игорь забыл, в какой стране он живет. Он стал югославским Бобой, который то целовался с Мари-

ей, то получал от нее пощечину. Он стоял под ее окнами и делился с друзьями своим горем про беременность Марии. Он терзался душевными сомнениями подростка, что делать в такой ситуации. И закусил губу, чтобы не зареветь, когда скорая неслась по городу, везя Марию в больницу. Почувствовав чью-то руку на своей, он посмотрел направо – Лена протягивала ему носовой платок. Он отмахнулся и, приподняв очки, вытер лицо рукавом куртки.

– Ребята, вот это кино! – тараторила одна из житомирских Светок по дороге назад в бурсу. – Это же надо, такая любовь. Такая жизнь. И потом они сами уехали без родителей. Я не поняла – на стройку, что ли? Мы ведь тоже скоро поедem на летнюю практику. Но где же столько парней взять, чтоб вот так влюбиться?

Игорь посмотрел на Лену, которая стояла рядом, и опять пришли на ум слова Сереги: «Тебе что, девчат из группы мало?»

Хорошая девчонка, симпатичная, и, видно, равнодушная к нему, не зазнайка, хоть и староста.

– Лен, дай платок, очки вытереть.

Лена вытащила носовой платок и протянула Игорю.

Он снял очки. Это была ошибка.

– Ой, девочки, – пискнула житомирская Света, – да наш Игорь когда без очков, он же вылитый Боба.

Игорь знал, что не вылитый. Но сходство с югославским парнем все же было – узкое лицо, темные брови, голубые гла-

за и прямой нос. Правда, у Бобы были темно-русые чуть курчавые волосы. А у Игоря – волосы прямые как пакля и обесцвеченные Ирккой. Но своей худой фигурой и высоким ростом он чем-то походил на героя нашумевшего фильма. Он и сам это понял с первых кадров. Вот только не было у него ни джинсов, ни джинсовой куртки, ни папиного «Мерседеса», ни девушки, с которой можно бродить в обнимку и целоваться на улице.

Игорь повернулся к Светке и сказал, стараясь подражать голосу актера, озвучившего Бобу:

– Чао, Мария.

Светка охнула и повалилась назад на руки девчонок, изображая обморок.

Только на следующий день Игорь понял, какую глупость он сделал своей фразой в трамвае. Толпы студенток 61-го кулинарного училища начинали шептаться, завидев Игоря в коридоре. Сначала ему нравилось вливаться в образ Бобы, снимать очки, притворяясь, что их нужно протереть, иногда в задумчивости грызть пластиковую дужку очков, словно забыв их надеть. Толпа девчонок сливалась в одно цветное целое, которое взволнованно щебетало. А одна отважная даже успела его чмокнуть в щеку.

– Бо-оба, – сладостно протянула поцеловавшая и скрылась в толпе, пока Игорь надевал очки, так и не разглядев, кто это была.

К концу второй недели нашествие девчонок в коридоре,

не дававших ему прохода, слегка достало. Ведь по-настоящему он так никого и не любил, как Боба свою Марию.

Своими свободными нравами фильм сломал советские шаблоны и запреты. Да еще ранняя весна и шальные юношеские гормоны добавили дрожжей. Все моментально повлюблялись, и парочки целовались где придется. Смотреть фильм ходили по 10-15 раз. В вечернюю школу не ходил почти никто.

Игорь целоваться с кем попало не хотел. Еще тошнило после новогодней вечеринки, потного тела Иркиной однокурсницы и губ, пахнущих винегретом и селедкой. Он решил, что поцелуется с Леной Завгородней. Вот так же нежно и страстно, как в кино.

На последнем уроке кулинарии он ей передал записку: «Лена, я приду на автобусную станцию проводить тебя на автобус после уроков. Игорь».

Лена получила записку. Ее щеки покраснели. Игорь смотрел на нее, ожидая ответа. Она чуть заметно кивнула.

Как только прозвенел звонок, Лена сорвалась и почти выбежала из класса. Игорь чуть медлил, не зная, как сделать это романтично, чтобы было как в кино. Надрать цветов? Но ранние тюльпаны на клумбе перед училищем только выпустили первые стрелки. Может, купить какой-нибудь крохотный букетик на станции? Автобусная станция находилась прямо за зданием училища. Классная комната опустела. Он встал из-за парты и собирался уже уходить, как вдруг дверь

открылась и вошла Вика.

Они не виделись почти четыре месяца. Нет, конечно, иногда он успевал заметить копну рыжих кудряшек в толпе студентов. Но ее макушка так же быстро исчезала, словно Вика его избегала.

– Привет, – сказал Игорь первым. Он давно уже думал, как бы помириться с Викторией. Но мнимая популярность Игоря в образе Бобы не давала ему возможности пройти по коридорам училища незамеченным.

– Привет, – ответила Вика.

Она похудела и выглядела взрослее. Свои рыжие кудряшки она подкалывала вверх с двух сторон, и теперь ее лицо выглядело по-другому. Не такое детское, что ли. Хотя веснушки никуда не делись, несмотря на Викнины усилия замазать их тональным кремом.

– У меня к тебе разговор, – и добавила: – Очень важный. Присядем?

«Ну вот, опоздаю на станцию проводить Лену», – подумал Игорь и сел за парту.

Глава девятая. Джинсовая куртка – одна штука

Про Лену и автобусную станцию Игорь вспомнил только в трамвае по дороге домой. Как же он забыл? Но Викина новость была такая, что тут забудешь не только Лену, но и свое собственное имя.

Ладно, завтра извинится. Скажет, дела какие-то подвернулись.

Ирка была дома и, как всегда, что-то строчила на ручной машинке «Зингер». Может, там уже есть электрические? Надо будет узнать.

– Гарри, кашу и котлеты сам разогрей. У меня срочный заказ для тети Клавы. У них там выход в ресторан всем коллективом. Может, хоть кусочек останется. Это японский шелк. Где она берет все эти отрезы?

Игорь молчал.

Ирка оторвалась от машинки.

– Ты че такой бледный?

– Ир, поговорить надо.

Ирка всегда чувствовала настроение Игоря, недаром сестра-двойняшка. Он как-то меньше откликался на ее душевный настрой. Две минуты в рождении сыграли роль, и Ирка

была прирожденным лидером, более сильной личностью и всегда находила выход из всех ситуаций.

– Садись. Чего там случилось?

Игорь сел на диван, выдохнул и начал издалека. Так сразу он не мог выдать Викину новость.

– Ну, это, летняя практика должна начаться в июне. В середине мая сдаем экзамен, и в конце мая уже все уедут. Счастливики поедут на Азовское море.

– Ну? – подбодрила Ирка.

– Так вот. Еще когда я поступал, то Вика мне сказала, что в училище есть программа обмена иностранными студентами. И вот неделю назад министерство культуры одобрило нашей бурсе обмен студентами с соцстраной.

– С какой? – Ирка аж задохнулась.

– ЧССР.

– Да ты че? Ты серьезно? Ну а ты каким местом относишься к этой программе? Повар-мастер по блинам?

– Да погоди ты с блинами. Пока горком одобрил пробную поездку на четыре человека: два взрослых и два студента – девушка и парень. Вика – это женская кандидатура, ну а мужская... В общем, она предложила мою.

Игорь замолчал.

Молчала и Ирка, что с ней случалось редко.

– Зашибись, конечно, – наконец произнесла она. – Я тут мечтала хотя бы в Прибалтику махнуть, а тут братан со своими блинами едет в Чехословакию и, как последний тормоз,

вообще не волокет ни в чем.

– Да никуда я еще не еду. Там нужно кучу документов собрать, и хоть училище и министерство культуры оплачивают поездку, но все равно будут нужны еще и деньги.

– Ну и че ты сказал Вике?

– Сказал, подумаю.

– Идиот! Сразу надо было соглашаться. Телефон ее есть? Иди звони ей. А я сейчас перетру этот вопрос с Пьером. Его друзья мотались в Болгарию. Он должен знать про загранку, что и как.

Следующий час Ирка висела на телефоне с Пьером, утукая и записывая что-то карандашом в тетради в клеточку.

Игорь не знал телефона Вики и решил, что скажет ей свой ответ завтра в училище. А пока ему самому нужно было поверить, что это все может случиться на самом деле и он сможет увидеть Прагу, попробовать пепси-колу, купить джинсы и поработать на иностранной кухне. Словом, побывать за границей.

– Значит, так: на обмен валюты в ЧССР разрешено вывозить всего 27 рублей. Но на них сможешь купить только значки и чашку кофе. Поэтому Пьер сказал, что нужно везти всякие электротовары. На вывоз можно взять всего по одному предмету, так как на таможне проверяют чемоданы. Можно взять один утюг, плойку, электробритву, радиоприемник, можно и фотоаппарат. Пару блоков сигарет, они там как расхожая валюта. И две бутылки водки. Больше нельзя. Русскую

водку за границей любят и оторвут с руками. Но зато назад можно вывезти – внимание, готов? – Ирка взяла трагическую паузу. – Одни джинсы и один джинсовый костюм.

Сердце Игоря зашло. После фильма «Пришло время любить» жгучее желание иметь джинсы переросло в жизненную необходимость. А тут еще можно было разжиться и курткой.

Ирка продолжала:

– Значит, купишь одни джинсы себе и одни мне, а куртку бери размером побольше, чтобы и на меня налезла – будем носить по очереди.

Ирка с третьим размером бюста была куда фигуристее щуплого Игоря. Ну, на двоих так на двоих.

– Маме тоже надо че-нить купить. Она давно мечтала об электрической кофемолке.

– Ир, да ты че? У нас кофе в зернах сроду не было.

– Ну не было, так будет. Гарри, надо смотреть вперед, в светлое будущее, – сказала Ирка и засмеялась. – Ты же у нас будущий повар, а значит, и у нас скоро будет и кофе в зернах и сгущенка. Бери бумагу и пиши. Купишь косметику, ну там губнушки, тени. Пьер сказал, тут можно толкнуть по рублю за штуку.

Когда пришла домой мама и возбужденные двойняшки засыпали ее новостями про поездку в ЧССР, мама обреченно опустилась на диван.

– Игореша, а сколько же денег на такую поездку надо? У

нас в копилке не так много. только 60 рублей, что мы-то откладывали, но потом туфли тебе новые купили на весну.

В копилке было 50 рублей. Игорь взял оттуда червонец в марте, потому что на сигареты и кино потратил больше, чем хотелось бы.

Игорь с Ирккой уже посчитали – нужно было не меньше двухсот рублей. Хоть училище и оплачивало дорогу из Москвы до Праги на поезде, но до самой Москвы нужно будет добираться за свои. Потом на обмен валюты, ну и купить всяких электроприборов. Ирка была готова пожертвовать свою новую плёнку, которую ей подарил Пьер на 8 марта. Но без утюга ей как швее не обойтись. Значит, надо будет покупать новый утюг, и радиоприемник тоже.

Мама засемила к серванту и достала шкатулку.

– Тут всего 50 рублей из тех, что мы откладывали со стипендии Игоря. Где же взять остальные?

– Тетя Клава. У нее займем, – решительно сказала Ирка.

На том и порешили. Весь вечер семья возбужденно обсуждала поездку Игоря и вспоминала, кто что читал про ЧССР и Прагу.

– А в какой город едете? Где именно будет практика? – спросила наконец Ирка.

– Какой-то санаторий широкого профиля под Карловыми Варами.

Ирка завистливо вздохнула.

На следующий день Игорь был на ступеньках училища с раннего утра. За ночь сильно потеплело, и красные и розовые тюльпаны на клумбе училища раскрыли свои бутоны.

Игорь вспомнил про свою записку для Лены и обещание прийти на станцию. Сердце противно заныло. Он сошел со ступеней, дошел до угла здания, вытащил папиросу и закурил. К дверям училища потянулись студенты к первой паре. Неместные студентки приезжали в разное время – кто раньше, кто позже. Сельские автобусы не подстраивались под расписание уроков.

Вика сама подошла к нему. Большие зеленые глаза смотрели на Игоря выжидающе.

– Ну что ты решил? – спросила она.

– Еду, – ответил Игорь.

Вика было улыбнулась, но потом улыбка сошла с ее лица.

– Работы будет много. Получить загранпаспорт и выездную визу. Заполнить подробную анкету в двух экземплярах. Написать положительную характеристику с места учебы. Потом надо, чтобы ее утвердила тройка из директора, парторга и председателя месткома. Потом твою кандидатуру будут обсуждать в горкоме, где будут представители от министерства образования Украины из самого Киева. Ну и сегодня серьезный разговор с моей мамой.

– С твоей мамой? – Игорь струхнул не на шутку.

– Ну с моей мамой не как с мамой, а как с директором училища.

– А-а-а, – протянул Игорь, но легче не стало.

Он почувствовал на себе чей-то взгляд и поднял глаза. На ступеньках училища стояла Лена Завгородняя и почему-то прижимала школьный портфель к груди. Вика обернулась, бросила взгляд на Лену и повернулась назад к Игорю.

– Да, забыла сказать: личную характеристику должны подписать староста, комсорг и мастер группы.

Живот Игоря ухнул вниз. Грядущие события обещали многое.

Глава десятая. Разговор с мамой – 27 минут

Первой парой была эстетика. Обычно Игорь всегда слушал Эмилию Яковлевну с интересом, но тут в голове роилось столько мыслей, что учительнице пришлось повторить свой вопрос дважды.

– Вищаненко, вы меня слушаете? – Эмилия ко всем обращалась на «вы».

– А? Чего?

– Я вас спрашиваю – какие европейские столицы и их достопримечательности вы помните с моих прошлых лекций?

Игорь забыл ровным счетом все, что не было связано с ЧССР на данную минуту.

– П-Прага, Карлов мост.

– Хорошо. Что еще?

– П-Прага, крепость Пражский Град.

– Кто-нибудь помнит еще что-нибудь кроме Праги?

Студенты засмеялись.

– Рим, фонтан Треви, – ответил кто-то позади Игоря.

Несколько раз Игорь порывался подойти к Лене и хоть как-то объясниться, но после каждого урока она выходила из кабинета первая и приходила к следующему уроку последняя. У Игоря не было времени, чтобы хоть как-то остаться

с ней наедине. Да и что он собирался ей сказать? «Извини, я еду в Прагу, нам не по пути, подпиши характеристику, поцелуемся, когда вернусь».

После уроков Вика ждала Игоря возле кабинета директора училища.

– Ну что, готов говорить с Зинаидой Ивановной? – она назвала свою маму по имени- отчеству.

Отступить было поздно, и Игорь обреченно кивнул.

Вика продолжала:

– Она не любит, когда при ней записывают, так что ты должен запомнить все, что она скажет.

Игорь мог только надеяться, что его хваленая память не покинет его при виде Зинаиды Ивановны.

– А т-ты со м-мной не пойдешь?

Вика покачала головой.

– Я все это уже выслушала дома по несколько раз. Твоя очередь.

Вика толкнула дверь приемной, и они вошли в кабинет секретарши.

– Татьяна Васильевна, можно к маме? У нас назначено на 15.00, – пропела Вика, улыбаясь секретарше в блузке горошек.

Татьяна Васильевна взяла трубку внутреннего телефона.

– Зинаида Ивановна. К вам Лазуренок и Вищаненко. Да, у них на 15. Проходите, – кивнула она им после небольшой паузы.

Вика подтолкнула Игоря в двери.

– Иди, я здесь подожду.

Игорь замешкался у двери. Тяжелая дубовая дверь никак не поддавалась. Но Игорь рванул ее на себя и она открылась.

Веселое мартовское солнце почти не проникало в кабинет директора училища из-за тяжелых бархатных штор густого фиолетового цвета. Через несколько секунд глаза Игоря привыкли к контрасту освещения помещения. Зеленая ковровая дорожка заканчивалась в конце длинного кабинета, где стоял массивный стол красного дерева, за которым восседала массивная же Зинаида Ивановна. Мягкие кресла вдоль стены явно не предназначались для студентов с подкашивающимися ногами.

– Вищаненко, проходи, – окликнула Зинаида Ивановна Игоря, застывшего у двери.

Игорю казалось, что он идет слишком медленно, но торопиться он не мог. Казнят или помилуют? Ведь слово Вики еще не окончательная выездная виза в паспорте. А вдруг она рассказала маме про их ссору в ноябре? И мама сделает все возможное, чтобы завалить Игоря. Он остановился шагах в десяти от стола.

– Ближе, – скомандовала Зинаида Ивановна.

Он подошел еще на пять.

– З-з-здасьте, – выдавил Игорь.

– Значит, это и есть кандидат, которого выбрала Вика?

Зинаида Ивановна разглядывала его, как будто видела в

первый раз. А ведь на концерте сидела в первом ряду, неужели не помнит, какой успех отхватила вторая группа и Игорь как гитарист?

– Да, работы предстоит много. Начну с того, что сразу подстричь эти патлы и больше не обесцвечивать. Что за мода такая у парней – красить волосы как девчонки? Облик передового студента никак не вяжется с такой прической.

Ну это еще ничего. Игорь и сам хотел давно подстричься – блондин он был не настоящий, а платиновый, как говорила Ирка. Да и со стрижкой он только еще больше будет походить на Бобу, хотя волосы Игоря не вились, как у югославского актера.

Зинаида Ивановна открыла папку, лежащую перед ней на столе, и пробежала несколько строк глазами.

– Нареканий нет. Учится хорошо, почти отлично, трояк по физре за прошлую четверть. Это мы подтянем. Как успеваемость в вечерней школе?

– Нормально, – выдавил Игорь. Там он не был пять недель, ровно с начала выхода фильма. Надо будет сходить туда и посмотреть, что там за дела. Тригонометрия! Противно засосало под ложечкой. Игорь попробовал выдавить улыбку, но губы будто онемели.

– Вищаненко Игорь... – она сверилась с бумагами на столе, – Павлович. Интернациональная программа обмена студентами – это дело чести не только Украины, но и всего Советского Союза. Мы должны не ударить в грязь лицом пе-

ред друзьями из соцстран и показать, что советская молодежь высоко несет стандарты морали и чести. Нас, строителей коммунизма, не должны ассоциировать с чем-то непристойным. Поэтому никакого алкоголя. Это понятно?

Игорь кивнул. После новогодней вечеринки его самого мутило только от одного воспоминания о нем.

Зинаида Ивановна продолжала, видимо, и не ожидая никакого ответа от Игоря.

– Эта программа обмена студентами в самом зародыше, и мы ее первопроходцы. Если мы с честью выполним свой гражданский и профессиональный долг, то наше училище будет одним из первых, кто проложил дорогу интернациональному сотрудничеству и возобновлению дружественных отношений между нашими странами после событий 1968 года. Что ты о них знаешь?

Игорь мотнул головой, мол, нет, ничего не знаю. В 1968-м ему было три года, а по истории этого не проходили.

– Было дело, – вздохнула Зинаида Ивановна. – Но у нас есть шанс вновь построить мост между двумя странами, находящимися на одном континенте.

«Она бы еще сказала “на одном земном шаре”», – подумал Игорь, но прогнал эту мысль, чтобы не хмыкнуть. Про 1968-й надо будет расспросить у кого-то, кто постарше. Зинаида Ивановна продолжала:

– Но сейчас мы должны в умелой форме разъяснять миролюбивую внешнюю политику СССР.

Высокопарные речи явно были коньком Зинаиды Ивановны, и ее несло дальше.

– Для соблюдения морального облика нашей первой пробной обменной программы с нами поедет четвертый человек. От парткома.

Она многозначительно наклонила голову.

– Надежный человек от партии, которого утвердит секретарь партийной организации товарищ Копылов. А это значит, мы должны быть кристально честны во всех делах и поступках.

Игорю порядком надоела эта пропаганда. Он уже понял, что человек от партии поедет на халяву за границу затариться шмотками и настучать на других.

Зинаида Ивановна, видимо, тоже поняла, что уже пора закругляться, и сменила возвышенно-партийные интонации на директорские и материнские.

– Значит, так. Во все детали тебя посвятит Вика. Но учти, с ней никаких шашней. Вы советские студенты, а не парочка влюбленных, как в том поганом фильме. Начнешь с того, что первым делом сделаешь загранпаспорт в паспортном столе и принесешь мне. Нет, первым делом пострижешь патлы. Паспорт вторым. Вика поможет написать характеристику. Подпишешь на местах – комсорг, староста и мастер группы. Потом ваши характеристики утвердят на заседании, где будут я, секретарь партийной организации, председатель месткома и комсорг. Но это чистые формальности. Для галочки. Все

свои люди. Пока все.

Игорь поежился, он не представлял себе, как будет под-
писывать характеристику.

– Вопросы есть?

Вопросов было на полдня беседы. Но Игорь решил спро-
сить о самом важном.

– Два.

– Давай, выкладывай.

– Сколько денег нужно?

– Министерство образования Украины и наше училище берет на себя основные расходы по питанию и дороге. По-
едем на поезде «Москва – Прага». Но дорогу до Москвы каж-
дый оплачивает сам. Также возьмешь деньги на обмен валю-
ты. Мелочи. Эта поездка тебе обойдется почти даром.

Кому-то обойдется даром, а кому-то придется спускаться
на второй этаж и занимать деньги у тети Клавы. Игорь вздох-
нул. На повышенную стипендию он не вытянул из-за трой-
ки по физре. Дыхалки не хватало бегать вокруг училища по
осени. А лишняя пятерка к стипендии ой как бы пригоди-
лась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.